ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 119 (3148) Четверг, 8 октября 1953 г. Цена 40 коп.

Президенту Германской Демократической Республики товарищу Вильгельму Пику

БЕРЛИН

В связи с четвертой годовщиной образования Германской Демократической Республики примите, товарищ Президент, сердечные поздравления Президиума Верховного Совета СССР и мои лично вместе с пожеланиями германскому народу успехов на пути создания единой миролюбивой, демократической Германии.

Пусть растут и крепнут дружественные отношения между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой на благо наших народов и в интересах укрепления мира во всем мире.

К. ВОРОШИЛОВ

6 октября 1953 года.

Премьер-Министру Германской Демократической Республики товарищу Отто Гротеволю

БЕРЛИН

В связи с четвертой годовщиной со дня создания Германской Демократической Республики прошу Вас, уважаемый Премьер-Министр, и Правительство Германской Демократической Республики принять мои горячие поздравления.

Четыре года назад передовые патриотические силы германского народа взяли на себя благородную миссию отстоять единство, свободу и независимость своей родины, обеспечить ее развитие по пути мира и демократии, по пути дружбы и сотрудничества с другими народами. Немецкие патриоты все более глубоко осознают, что проводимый агрессивными кругами курс на возрождение германского милитаризма создает величайшую опасность для немецкой нации и направлен на ликвидацию единого германского государства, на превращение Германии в очаг третьей мировой войны. Миролюбивая политика Германской Демократической Республики является выражением национального самосознания германского народа. Германская Демократическая Республика служит надежным оплотом для всех немцев, стоящих за мир.

В историческом акте образования Германской Демократической Республики находят сочетание интересы германского народа и интересы всех миролюбивых народов, стремящихся упрочить европейскую и международную безопасность. Прогрессивное человечество видит в дальнейшем укреплении Германской Демократической Республики важное условие для окончательного урегулирования германского вопроса в интересах мира и международной безопасности.

Советские люди желают германскому народу успехов в деле восстановления своего национального единства и создания миролюбивого германского государства. В своей справедливой борьбе за единую независимую миролюбивую демократическую Германию германский народ всегда найдет сочувствие и поддержку народов Советского Союза.

Г. МАЛЕНКОВ

6 октября 1953 года.

Министру Иностранных Дел Германской Демократической Республики товарищу Лотару Больцу

БЕРЛИН

По случаю четвертой годовщины со дня образования Германской Демократической Республики прошу Вас, товарищ Министр, принять мои дружественные поздравления.

Примите также мои сердечные пожелания успехов германскому народу в осуществлении его национальных чаяний в деле восстановления единого, миролюбивого и демократического германского государства, что отвечает интересам мира и международной безопасности.

В. МОЛОТОВ

6 октября 1953 года.

В честь Великого Октября

Приближается 36-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Знаменательную дату рождения социалистического государства трудящиеся Советского Союза встречают новыми трудовыми достижениями. Многие коллективы промышленных предприятий, колхозов, строек встают на традиционную предпраздничную вахту.

Вместе со всей страной готовятся достойно встретить годовщину Великого Октября москвичи. На многих заводах, фабриках, стройках столицы состоялись собрания, где приняты предпраздничные обязательства. Коллектив автозавода имени И. В. Сталина даст сверх октябрьского плана сотни грузовиков для сельского хозяйства, около шести тысяч велосипедов, сто тридцать домашних холодильников.

180 тысяч пар обуви сверх плана выпустил с начала года коллектив фабрики «Парижская Коммуна». Вступая в предоктябрьское социалистическое соревнование, фабрика увеличивает выпуск обуви к зимнему сезону. Первый туфельный цех вырабатывает до тысячи пар женской модельной обуви в день. Первый рантовый цех полностью переведен на выпуск женских ботинок на теплой подкладке и с меховой опушкой. Коллектив фабрики решил в октябре увеличить выработку первосортной обуви, освоить шесть новых моделей, сшить за счет экономии сырья и материалов не менее двадцати тысяч пар обуви.

Двести метров в длину занимает строящееся на Варшавском шоссе многоэтажное жилое здание. В доме будет 322 квартиры, общая площадь которых составит 15.500 квадратных метров. В честь Великого Октября строители обязались сдать первые шесть секций дома на неделю ранее срока, а шесть остальных подготовить к отделочным работам.

Заботливо готовить кадры молодых литераторов

Василий АЖАЕВ

Двадцать лет назад по решению правительства в Москве был открыт Литературный институт имени великого русского писателя Алексея Максимовича Горького.

Это решение свидетельствовало о том, какое огромное значение придается в нашей стране развитию литературы, каким общегосударственным делом является подготовка новых творческих кадров, какая серьезная помощь обеспечена растущим из народа талантам.

За прошедшие годы институт выпустил сотни литературных работников, из которых более двухсот человек стали литераторами-профессионалами, членами Союза советских писателей. Некоторые его питомцы — К. Симонов, С. Михалков, С. Бабаевский, А. Коптяева, М. Луконин, А. Чаковский, Л. Ошанин, Р. Гамзатов, М. Алигер, Е. Долматовский, А. Яшин и другие — получили широкую известность, как авторы любимых народом художественных произведений.

У Литературного института — добрая слава, о нем знают в Дагестане и в Сибири, в Башкирии и в Литве — во всех республиках и областях Советского Союза. О нем знают в Корее и в Восточной Германии, в Болгарии и в Чехословакии. Делегации деятелей культуры и литературы, приезжая в СССР из-за рубежа, не забывают навестить Литературный институт, познакомиться с единственным в мире учебным заведением такого типа. Единственным потому, что в нем академическое образование сочетается с творческой подготовкой и повышением мастерства молодых писателей.

О том, кто учится сейчас в Литературном институте имени Горького, об уровне учебы, о достоинствах и недостатках учебно-творческого процесса можно отчетливо судить по очередному выпуску студентов. Если в первые годы в институте учились преимущественно москвичи, то теперь он стал в полном смысле слова всесоюзным: в нем обучаются представители сорока двух национальностей Советского Союза. В этом году перед государственной экзаменационной комиссией рядом с русскими студентами предстали три украинца и два бурята, башкир и осетин, чуваш и кореец, грузин и еврей, литовец и хакас, абхазец и удмурт.

И, пожалуй, самое отрадное в очередном выпуске Литературного института — это как раз успехи представителей братских народов, много и успешно потрудившихся в институте и возвращающихся ныне в родные места зрелыми писателями, способными занять достойное место в своей литературе.

Вот перед нами бурят Циденжап Жимбиев. Его стихи согреты горячим чувством любви к «забайкальской сторонке». Задушевно выраженная от имени бурятского народа благодарность русскому народу наполняет многие стихи Жимбиева. Годы учебы укрепили его как поэта, он глубже узнал русскую культуру, теснее подружился с товарищами по «литературному цеху» — русскими поэтами.

Земляк Жимбиева — бывший колхозный пастух и тракторист Цэрэн Базар Бадмаев в цикле стихов «Утреннее солнце» тоже воспевает родину, и для него главнейшей стала тема патриотизма. Он — лирик, обладающий драгоценной способностью говорить о любом предмете проникновенно, от самого сердца. «Когда в Корее разрываются бомбы, то стекла моего дома дребезжат», — пишет он. Начав печататься в 1947 году, Бадмаев, благодаря упорству и учебе, уже стал литератором, известным в родной республике.

Стихи осетина Георгия Цагараева посвящены дружбе народов. В своих стихах он сближает Коста Хетагурова с Тарасом Шевченко, болгарских крестьян и осетинских колхозников, Назыма Хикмета и Раймонду Дьен.

Стихи «Мальчик-горняк», «Гость издалека», «Снова на тракторе», ясные по мысли и выразительные, энергичные по форме, обнаруживают в Цагараеве большие возможности. На экзаменах, выступая с напутствием, московские поэты отмечали декларативность и схематизм некоторых его последних стихов. Эта критика была проникнута дружеским пожеланием, чтобы питомец Литинститута не останавливался в своем росте.

Габдулла Ахметшин — первый башкир-драматург, окончивший Литературный институт. Башкирская литература молода, сложилась уже в годы советской власти. Тем более важен пример Г. Ахметшина, работающего в том трудном жанре, который в башкирской литературе создается в наше время буквально на глазах. Первую свою пьесу Ахметшин написал до поступления в институт. Сравнение этой во многом несовершенной вещи с пьесой «Яблоневый сад», обсуждавшейся на экзаменах, наглядно показывает, как вырос молодой драматург во время учебы.

Абхазский поэт Алексей Ласуриа покинул институт поэтом, в достаточной мере сложившимся, имеющим круг своих тем и свой голос, отмеченный искренней задушевностью.

Хочется помянуть добрым словом и бывшего колхозника чуваша Георгия Ефимова, сумевшего сочетать учебу в институте с работой по переводу на родной язык произведений Тараса Шевченко и Бориса Полевого, с редактированием книг в Чувашском издательстве. Хочется также сказать и об удмурте Гае Сабитове, подготовившем свой первый сборник стихов, и о хакасе Михаиле Кильчичакове, чья пьеса «Всходы» с успехом идет сейчас на сцене Хакасского театра.

Волнующим событием в этом году в Литературном институте была защита дипломной работы поэтом Се Ман Иром. Даровитый кореец с великой пользой для себя провел несколько лет в институте, изучил русский язык и основательно приобщился к русской культуре. Посланный народом на учебу, Се Ман Ир всей душой и помыслами был со своими соотечественниками, воспевал их подвиг. Вернувшись в Корею, он будет верно служить народу, мужественно принявшемуся за восстановление хозяйства, разрушенного войной.

В этой статье хотелось бы возможно обстоятельнее рассказать о последнем выпуске, не забыв ни об одном человеке, однако пределы газетной статьи вынуждают лишь упомянуть о некоторых из них.

Высокую оценку за дипломные работы получили молодой прозаик Майя Ганина и поэт Константин Ваншенкин. Самобытны и вызвали заслуженное одобрение стихи И. Вараввы и И. Ганабина. Положительно была оценена критическая работа Н. Бондаревой, посвященная анализу романа Г. Николаевой «Жатва».

Среди дипломных работ оказались, однако, и такие, что их уместней было бы видеть при вступлении в институт, чем по его окончании. Именно такое впечатление оставил сборник очень слабых стихов А. Меркулова «Лирика». Говорящие о несомненных способностях авторов пьеса М. Мусиенко и повесть Ю. Бабикова требуют основательной, длительной работы и никак не могут считаться завершенными. Еще труднее и огорчительнее был случай с П. Богдановым, чья дипломная работа получила единодушную неудовлетворительную оценку. Неудовлетворенность и тревогу возбудила и пьеса Р. Мчедлидзе, свидетельствующая об отсутствии у автора сколько-нибудь значительных жизненных наблюдений. Пьеса отличалась умозрительностью и холодностью, за ней чувствовалось не волнение художника, охваченного любимыми мыслями, а ремесленный подход к задаче.

Эти примеры убеждают в том, что в институте не создана атмосфера ответственного и целеустремленного отношения к учебе. Некоторые студенты подчас забывают, что, если им, предположим, и не удастся стать писателями-профессионалами они при всех обстоятельствах обязаны выйти из института образованными и квалифицированными работниками в области культуры.

Литератор, литературный работник должен уметь работать не только в области облюбованного им жанра — писать, скажем, стихи или рассказы. Активное участие в литературной жизни потребует от него умения писать очерки и публицистические статьи, вести художественный репортаж и участвовать в дискуссиях, анализировать художественные произведения и редактировать их. К сожалению, далеко не все выпускники являются литераторами в широком смысле слова.

Так сложилось в практике института: дипломные работы представляют собой чаще всего механическую сумму написанного студентами за время учебы. Мы убеждены, что это плохо. Такая практика предопределяет формальное отношение и со стороны студентов и со стороны руководства института к важнейшему акту защиты диплома. По многим дипломным работам было очень трудно судить о глубине и прочности знаний, приобретенных их авторами в институте. Думается, в будущем необходимо изменить порядок защиты дипломов. Выпускники должны писать специальные работы, защита которых при учете всего творчества, накопленного за годы учебы, позволит судить о теоретической и творческой подготовленности выпускников института.

⁂

Знакомство с последним выпуском укрепляет уверенность в том, что институт приносит большую пользу, выполняет большое государственное дело. Тем более нетерпимы серьезные недостатки в его работе.

Правление Союза советских писателей и его секретариат не оказывают институту необходимой повседневной помощи. К институту не привлечено серьезное внимание литературной общественности.

Союз писателей не сумел обеспечить нормальную работу важнейшей кафедры, определяющей лицо института, — кафедры творчества. Точнее сказать, в институте имеются и работают творческие семинары, объединяющие по 10—15 студентов, но не существует кафедры, которая руководила бы учебно-творческим процессом, наблюдала бы за работой семинаров, обобщала бы их опыт и совместными усилиями добивалась непрерывного улучшения этой, самой главной, части учебы молодых писателей. Длительное время никто не руководит кафедрой. Числившийся в этой должности больше года писатель К. Г. Паустовский так и не приступил к работе. Каждый из семинаров работает вне связи с другими и бесконтрольно. Определенной ответственности за состояние семинаров и своих питомцев писатели — руководители семинаров не несут. Занятия семинаров зачастую превращаются в беспlановые и бессистемные литературные беседы, ведущиеся на уровне обыкновенного литературного кружка.

Создалось странное положение, при котором многие писатели не хотят работать в своем институте, отмахиваются от него или работают формально, как бы отбывая повинность. Пример писателей, отдающих много сил институту, вроде Б. Ромашова, Н. Замошкина, Е. Долматовского, А. Крона и некоторых других, — редкое исключение. Наша литературная молодежь очень заинтересована в том, чтобы в работе института приняли деятельное участие крупные писатели — Ф. Гладков, С. Маршак, К. Федин, Л. Леонов, М. Исаковский, С. Щипачев, В. Катаев и другие.

В этом году более внимательно и настойчиво, чем прежде, правление Союза советских писателей СССР занималось выпускниками своего института. Все окончившие институт были определены на работу в республиканские, областные и московские издательства и печатные органы или откомандированы в распоряжение местных писательских организаций. Опыт показал, как важно для молодого литератора по окончании института не остаться одному, вне влияния коллектива и общественности. Но часто Союз писателей тут же после вручения дипломов выпускает из поля зрения бывших студентов Литинститута. Это обстоятельство, с одной стороны, а с другой стороны — стремление кое-кого из выпускников к ранней профессионализации, к независимому положению «свободных художников» приводят к тому, что вместо приобщения к жизни и дальнейшей углубленной работы над собой некоторые из них, оставшись в Москве, привыкают обивать пороги редакций и становятся поставщиками ремесленных и даже халтурных поделок.

Нельзя здесь не сказать о слабой постановке воспитательной работы в Литературном институте. Многое сигнализирует об этом — и недостаточная дисциплина в учебе и антиморальные поступки некоторых студентов.

⁂

Недавно правительство постановило реорганизовать Литературный институт имени А. М. Горького в высшее учебное заведение первой категории и создать при институте двухгодичные Высшие литературные курсы, имеющие целью повышение теоретического уровня и художественного мастерства членов Союза советских писателей. Это постановление, выражающее заботу партии и правительства о росте литературы и ее кадров, предусматривает все необходимое для того, чтобы поднять учебу писателей-профессионалов и литературной молодежи на высоту, соответствующую современным большим задачам.

Определив новый размах идейно-творческой работы института, правительство позаботилось и о повышенной стипендии для слушателей Высших литературных курсов, и о постройке жилого дома для слушателей и профессорско-преподавательского состава. Московскому Совету предложено полностью освободить под аудитории института и курсов помещения Дома Герцена, занятые сейчас жильцами и службами Литературного фонда.

Комиссия, выделенная секретариатом Союза писателей, разработала устав института и Высших курсов, пересмотрела учебные планы, правила приема. Объявлен набор слушателей на Высшие курсы — они должны начать занятия с 1 января 1954 года.

Но, сделав эти первые шаги, секретариат ССП свою деятельность заметно ослабил. Главная задача — это привлечение к работе института и курсов лучших сил литературы, опытнейших писателей. Участие в деятельности Литературного института и Высших курсов должно считаться самым важным и благородным общественным делом мастеров литературы, делом, от которого стыдно отказываться.

Пока что в институт пришло всего два новых писателя. Так и не решено, каким образом будут укреплены руководство института и творческие кафедры.

Курсы уже должны начать работу, а Министерство финансов СССР медлит с утверждением штатов и сметы института. Моссовет формально как будто выполнил постановление об освобождении в Доме Герцена помещений, занятых Литературным фондом. А на деле помещения для Литературного фонда выделены в подвале строящегося дома, который будет закончен весьма не скоро. Что касается выселения жильцов, то об этом Моссовет (как, впрочем, и несколько раз раньше) не заботится. Законно спросить председателя исполкома Моссовета тов. Яснова: где же будут заниматься писатели — слушатели Высших литературных курсов?

Постановление о реорганизации Литературного института имени А. М. Горького обязывает руководителей Союза писателей и всю писательскую общественность превратить отмечающий свое двадцатилетие Литературный институт в образцовое высшее учебное заведение, где творческая учеба писателей и литературной молодежи будет поставлена на уровне высоких требований, предъявляемых советским народом к своей литературе.

НЕМЕЦКИЙ НАРОД В БОРЬБЕ ЗА МИР И ЕДИНСТВО

С каждым днем усиливается борьба немецкого народа за мир, за единую, демократическую, свободную и миролюбивую Германию. В городах и селах по всей Германии трудящиеся выступают против преступной политики Аденауэра и его клики. Они протестуют против раскола страны, против милитаризации, против превращения Западной Германии в плацдарм новой агрессии.

БЕРЛИН

75.000 жителей германской столицы на митинге, посвященном памяти жертв гитлеризма, поклялись вести борьбу против возрождения фашизма, за мир и единство Германии.

Снимок из газеты «Тэглихе рундшау»

ГАЛЛЕ — ГДР

Демонстрация протеста против милитаристской политики аденауэровской клики, за мир и единство. На плакатах написано: «Именно теперь — национальное воссоединение Германии», «Перед лицом объединенного рабочего класса Аденауэр бессилен».

Снимок из журнала «Иллюстрирте рундшау»

РИЗА — ГДР

Население города вышло на улицы, чтобы заявить о своей решимости помешать осуществлению позорных военных договоров, заключенных боннскими правителями с западными империалистами. «Долой Аденауэра!» — написано на плакатах.

Снимок из журнала «Иллюстрирте рундшау»

РЕМШЕЙД — Западная Германия

Над трибуной митинга, на который собрались тысячи жителей Ремшейда, — лозунг: «Мы требуем национального единства и социальной обеспеченности!»

Снимок из журнала «Фольк им бильд»

ДОРТМУНД — Западная Германия

Надписи на плакатах, которые несут участники этой демонстрации трудящихся Дортмунда, гласят: «Потсдамские соглашения — основа справедливого мирного договора», «Защитим нашу молодежь от рекрутских наборов!»

Снимок из журнала «Фольк им бильд»

КАСИМОВСКИЕ КИНОБУДНИ

А. МЕДВЕДЕВ

1. Кинотеатр маленького города

Касимов. Тихий, небольшой городок дореволюционной России — ныне районный центр Рязанской области. В городе есть техникумы, фельдшерская школа, ремесленное училище, школы и библиотеки, музей, Дом культуры и Дом учителя, музыкальная школа. А искусство здесь представляет один кинотеатр, стало быть, кино — за все искусства в ответе.

Еще в поезде, что шел из Владимира, моим попутчиком оказался школьник лет четырнадцати, веселый и разговорчивый; он живо рассказывал о виденных им фильмах, и чем дальше я его слушал, тем яснее мне становилось, что этот пламенный поклонник кино, за последние 4—5 лет так же, как и многие его сверстники, не пропустивший ни одного фильма, не знает многих выдающихся советских кинокартин. Он не видел «Чапаева» и «Депутата Балтики», трилогию о Максиме и «Мы из Кронштадта», зато знал на зубок биографию Тарзана, как участник и очевидец рассказывал о похождениях королевских пиратов. Каждое его слово было упреком в адрес нашей кинематографии и кинопроката.

...А вот и Касимов — город с одним кинотеатром.

Кинотеатр называется космическим именем — «Марс». А у него есть земной филиал в клубе завода «Красный текстильщик». Киноустановка клуба работает три-четыре раза в неделю, демонстрируя в очередь те же, как говорят в городе, «марсианские» фильмы.

«Марс» — это двухэтажный кирпичный дом на Советской улице. В вестибюле — грязные, облупившиеся стены. Серое фойе. Пустующая эстрада с одиноким роялем. У стены—гора сломанных стульев. Тут же—огромные зимние рамы, снятые с окон еще весной. Народу в кино мало. Играет радиола, но танцующих нет. Висят рекламы: «Три встречи», «Композитор Глинка» и «Суд чести». О рекламе — реплика за спиной: «То ли год висит, то ли два — бог его знает!» Буфет кинотеатра продает конфеты, пирожки, фруктовую воду и зрителям кино и прохожим через пробитое в стене окошко на улицу. На втором этаже—небольшая читальня и кинозал. Он невелик, всего 280 мест. В зале невыносимая духота, вентиляторы отсутствуют...

Есть ли рачительный и заботливый хозяин в этом доме? Неужели это театр «областного подчинения и первого экрана»—как он именуется в отчетах?

Что ж, если это так, то на «первом» экране, видимо, отражаются и работа тех, кому он подчинен, и вообще порядки в киноучреждениях Рязанской области.

«Марс», как и другие областные кинотеатры, показывает преимущественно «коммерческие» фильмы иностранного происхождения. Но ведь в силах областных киноучреждений удовлетворить запросы зрителей и упорядочить демонстрацию лучших советских фильмов, как старых, так и новых.

Между тем этого нет. В кинотеатре, как говорят киномеханики, «крутят» картину, «пропускают» зрителей, пишут в отчете, что «сеанс прошел нормально», и подсчитывают, как выполняется финансовый план. Эта погоня за цифрами финансового отчета отражается прежде всего на зрителе.

Вот пример. Вечером 1 сентября я отправился в кинотеатр. Шел фильм «Девушка моей мечты» — и это в первый школьный день! Спрашиваю у администратора: «Как попала сегодня в «Марс» эта картина?»—«Область прислала».—«Вы ее заранее запрашивали?»—«Нет, сегодня у нас по плану должна итти «Аринка», а область прислала «Девушку моей мечты»... В зале полно молодежи—ремесленники, школьники и школьницы в белых фартучках, хотя, как известно, «дети до 16 лет на вечерние сеансы не допускаются».

Все это никого не касается, никого не беспокоит. Дело кинообслуживания населения в Касимове, в сущности, предоставлено самотеку. Руководители местных партийных и советских органов, товарищи, ответственные за состояние культуры в городе, вместе со всеми посещают единственный в городе кинотеатр и словно не замечают его запущенности.

А ведь кинотеатр мог бы стать подлинным очагом культуры, любимым местом отдыха касимовцев. Ведь когда в «Марсе» демонстрируется новый интересный советский фильм, в город приезжают колхозники даже из отдаленных деревень.

2. Киномеханики рассказывают...

В Касимовский районный отдел культуры съехались на совещание сельские киномеханики. Обсуждались итоги работы за август. Потом началась беседа.

Г. Юдин, молодой коренастый парень, в прошлом моряк, заговорил первый:

— Вы спрашиваете, как мы работаем. Я отвечу — плохо. Почему? Первое дело — новых картин мало. Показываем одни и те же фильмы, да и то старые. Вот, к примеру, показываю я сейчас «Цирк», и везу я эту картину по тем же местам, где возил ее нынешней весной и прошлой осенью. Ясно, люди сердятся, смотреть картину не идут. Мы, говорят, наизусть ее знаем...

— «Павлинку» я в августе давала. А она у меня и в июне шла. Разве это дело?

— Вот-вот! У меня то же самое с «Историей одной семьи».

— Скажу о качестве пленки,— вступил в разговор А. Баранов, один из лучших киномехаников района.— Нам области присылает фильмы четвертой, редко третьей категории годности. А это значит — 6—10 склеек на часть, частые обрывы ленты. Колхозники возмущаются, я, понятно, тоже.

Видимо, Баранов задел больное место. Киномеханики заговорили все разом.

— Показываю «Поднятую целину», а у картины конца нет. Я показываю, что есть, потом к народу с речью: «Расходитесь, граждане, кино кончилось». Ко мне с обидой: «Как кончилось? Мы книгу знаем — не такой конец. Давай, такой-сякой, закругленье!»

— У тебя только окончания нет, а я «Третий удар» возил — так нет ни конца, ни начала.

— Погодите, ребята! Надо о перевозке сказать,— поднялся Анатолий Лебедев.— Без этого вся наша работа — нуль.

— Профессия наша кочевая, мы вроде бы в вечной командировке. Переезжаем с места на место. Транспорт для нас — первое условие нормальной работы. И как раз с этим — беда. Правда, есть в отделе культуры три автомашины, но они больше чинятся, чем работают. Вот сегодня, скажем, мне в Крысино-Лощинино ехать, Юдину — в Поповку. Машин нет — встали на очередной ремонт. Хорошо, Юдина колхозная грузовая машина заберет. А я буду на аппарате сидеть и загорать...

— Плохо еще председатели колхозов помогают нам с перевозкой аппаратуры. Вот, например, в деревне Лом председатель Елизаров. Долго уговаривали мы его дать лошадь. Наконец, смилостивился. Дам, говорит, вам лошадь, только сначала, ребятки, соломы мне с поля навозите.— «Да у нас сеанс сегодня!» — Сеанс, говорит, обождет...

Разговор наш продолжался долго. И хотя киномеханики не говорили о том, что они по-настоящему любят свою профессию; уже по тому, как горячо шла беседа, было ясно: они все хотят работать в полную силу.

А мешает работать им многое. Прежде всего нужны для демонстрации лучшие советские и иностранные фильмы в хорошей технической сохранности. Нужно поднять культуру кинопоказа. А здесь многое уже зависит от самих киномехаников. Фильмы зачастую начинаются с опозданием на 2—3 часа, объявленные картины заменяются другими. Механики обязаны не просто демонстрировать картины, каждый сеанс должен привлекать людей, как влечет к себе хорошая, умная книга, интересная лекция, праздничный вечер.

Очень редко попадают в деревню киножурналы — не дает их прокат. А ведь как жадно интересуются ими колхозники! Нет короткометражных фильмов, научно-популярных, спортивных, мультипликационных, совсем не доходит до деревни журнал «Новости сельского хозяйства».

И последнее: нужно капитально отремонтировать киноаппараты и движки, которые износились до невозможности. Годами киномеханики слышат от инженера Областного отдела кинофикации тов. Мутьковой одни только обещания...

Кино стало потребностью широчайших масс сельского населения, кино — великая сила в культурной жизни наших сел. И нельзя мириться с тем, что колхозники редко видят фильмы, что многие хорошие кинокартины до деревни не доходят, что качество демонстрации фильмов часто низкое.

Многое из того, что рассказывали киномеханики, я увидел в тот же день в деревне Поповке, где после общего колхозного собрания должна была демонстрироваться кинокартина. Еще утром я слышал, как ее рекламировал по телефону заместитель заведующего отделом культуры райисполкома К. Волков.

— Поповка?— кричал он в телефон.— Сегодня у вас картина будет. Запишите и повесьте бумагу: цветной фильм «Максимка». Нет, это не про Максима. Ты пиши такой заголовок: «Жизнь негритенка в русском флоте». Скажи ребятишкам, пусть предупредят народ...

Волков повесил трубку и повернулся ко мне:

— Вот она, наша реклама! А почему бы кинопрокату вместе с каждой картиной не присылать краткое вступление, предисловие, чтоб киномеханик, прочитав его, мог ответить на вопросы зрителей?

С опозданием на три часа приехали мы с киномехаником в Поповку. (Как всегда, подвел транспорт). Моторист включил движок, и колхозное собрание прошло при электрическом свете. Вот еще одно преимущество кинопередвижек! Наконец, начался сеанс. Приятно было видеть, как легко и быстро работал у аппарата А. Лебедев. Он показал, к большой радости колхозников, сравнительно свежий киножурнал, отлично прошел весь сеанс. Перерывы между частями занимали всего 1—2 минуты. Фильм был как-то особенно тепло принят зрителями.

— Вот бы всегда так было! — сказал после сеанса один из колхозников.

Была глубокая ночь. Колхозники, делясь впечатлениями от картины, расходились по домам. Нужно было ехать обратно, но машины не оказалось — сразу же после собрания, не подождав, как было договорено, механиков, второй секретарь райкома тов. Мурин уехал один на грузовике в Касимов. Председатель колхоза «Победа» тов. Буланов тоже исчез. Мы остались в клубе.

— Ну что ж,— вздохнул Лебедев.— Хорошо, хоть есть где прилечь, не под звездами сегодня будем спать...

г. КАСИМОВ, Рязанской области

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА В СЕЛЕ

Семилетняя Люба Бойко впервые положила пальцы на клавиши. Преподавательница музыкальной школы Л. Швачунова только что рассказала ей, что гамма состоит из семи нот — вот они изображены на нотной линейке...

Снимок этот сделан в минувшее воскресенье в селе Копылове, Макаровского района, на Киевщине, когда там открылась музыкальная школа. Вступительные экзамены держали 286 детей колхозников, местной интеллигенции, работников МТС, а рассчитана школа на 40 учеников. Приемная комиссия проводила испытания по всем правилам: у детей тщательно проверялись музыкальный слух, чувство ритма, и все-таки отобрать лишь сорок из двухсот восьмидесяти шести оказалось делом чрезвычайно трудным.

— В Копылове очень много способных ребятишек,— говорит директор музыкальной школы И. Дворниченко,— значит, уже теперь нужно серьезно подумать о будущем расширении школы...

Впрочем, музыкальная школа и сейчас не ограничится обучением лишь сорока детей, которые начали заниматься на фортепианном отделении, в классах скрипки, виолончели, домры, баяна. Пятнадцать мальчиков и девочек будут играть в домровом оркестре, который организуется при школе, сто семьдесят человек войдут в два ученических хора. Создается подготовительная дошкольная группа из тридцати наиболее способных малышей.

Сельская музыкальная школа в селе Копылове располагает концертным роялем, двумя пианино, десятью скрипками, шестью виолончелями, двумя баянами, а также набором инструментов для домрового и духового оркестров. Большинство этих инструментов приобретено для детей правлением копыловского колхоза-миллионера имени 1 Мая. Вскоре школа получит новое помещение, которое готовится специально для нее. В нем будет и свой концертный зал.

Музыкальная школа внесла много нового в жизнь села Копылова. При сельском клубе открывается «университет музыкальной культуры», где педагоги в ближайшее время дадут десять тематических лекций-концертов. Идет прием в колхозный самодеятельный хор и сельский духовой оркестр.

Необычайно праздничным был самый день открытия музыкальной школы. В старинном сельском парке собрались сотни людей. В живописном месте на пригорке был установлен рояль, внизу расположились пюпитры симфонического оркестра. Силами учеников четвертой киевской музыкальной школы, чьим филиалом является копыловская, был дан большой концерт.

А. ГАЛИНСКИЙ,
корреспондент «Литературной газеты»
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«МАТЬ И СЫН»

Так назывался фельетон, опубликованный в № 69 «Литературной газеты». Моховский райком КПСС Орловской области обсудил фельетон и признал все факты правильными. Райком обратил внимание райисполкома и районо на несерьезное отношение к письмам трудящихся.

Фельетон обсужден на совещании директоров школ и в учительских коллективах района. Как сообщил нам секретарь Моховского райкома КПСС тов. Дьячков, И. Савин учителем сейчас в районе не работает.

«РЕЦЕНЗИИ НА ВЕЩИ»

«НАЙДЕННАЯ И ПОТЕРЯННАЯ РАДОСТЬ»

Заместитель председателя правления Укрпромсовета тов. Шматько сообщил редакции, что заметка об исчезнувших из продажи кастрюлях-скороварках, помещенная под таким заголовком в «Литературной газете» 11 июля, признана правильной.

Киевскому горпромсовету дано указание возобновить производство кастрюль-скороварок и выпустить в текущем году 2 000 штук. Производство кастрюль-скороварок будет включено также в план будущего года.

«ВЕЩЬ ХОРОША, ДА ОТДЕЛКА ПЛОХА...»

Так называлась опубликованная 25 августа рецензия, где шла речь и о пуговицах, выпускаемых Государственной пуговичной фабрикой им. Балакирева.

Директор фабрики тов. Бруштейн сообщает, что партийно-хозяйственный актив предприятия, обсуждавший рецензию, признал критику правильной и наметил меры для улучшения качества пуговиц.

В августе приняты в массовое производство четыре новых фасона пуговиц; до конца года фабрика освоит 30 новых фасонов.

ФЕЛЬЕТОН

ПРОСИМ!..

Александра Алексеевича Финагеева, главного инженера комбината «Краснодарлес», мы застали за необычным занятием. Вооружившись карандашом и бумагой, он подсчитывал, во что обошлось комбинату одно слово «Просим», адресованное по телеграфу в министерства лесной и бумажной промышленности СССР и РСФСР.

— Стоимость этого простого, в сущности, слова в тридцать раз выше существующих тарифов,— рассказывает главный инженер.— И немудрено. В начале мы неизменно телеграфировали: «**Просим**». Ноль внимания! Тогда было решено тронуть черствые сердца: «Убедительно **просим**». Не помогло! Прибегли к более прочувствованному: «**Просим** и умоляем». Куда там!..

— Действовать надо энергичнее,— посоветовал кто-то товарищам. Полетели молнии: «**Просим** срочной помощи, положение критическое».

Глас вопиющего в пустыне!

Сочинили телеграмму самому министру лесной и бумажной промышленности СССР тов. Г. Орлову: «В течение двух лет безрезультатно добиваемся... Еще раз **просим** неотложной помощи...»

Молчание...

— Что же было делать? — продолжает главный инженер.— Телеграфируем начальникам главков и их заместителям: «Еще раз **просим**»; «**Просим** и требуем»; «**Просим** непосредственного вмешательства и энергичных мер». Шлем десятки других телеграмм самых различных вариаций... Вот!

Перед нами пачка копий телеграмм и писем, подшитых в объемистое дело № 12—17.

Перелистываем разбухшую папку и сразу же наталкиваемся на телеграмму № 1974 министру лесной и бумажной промышленности СССР тов. Г. Орлову от 1 декабря 1952 года. В ней подробно сообщалось, что из-за отсутствия на складах местной конторы «Автотракторосбыта» запасных частей в леспромхозах края стоят на приколе грузовые автомашины «ЗИС-151».

Министра просили принять меры.

На телеграмму не было ответа.

Не отвечали и другие товарищи (заместитель начальника Главцентролеса тов. К. Дорошевский, еще один заместитель начальника главка тов. А. Верес). В адрес леспромхозов Кубани так и не поступило ни одного комплекта запасных частей к автомашинам «ЗИС-151».

11 апреля нового, уже 1953 года комбинат начал новую телеграфную атаку. К. Дорошевскому, ставшему к тому времени и. о. начальника Главцентролеса, доложили о свежей телеграмме «Краснодарлеса» (№ 605)... Молчание!..

Май 1953 года. Весна в разгаре. Из комбината телеграфируют сразу в два адреса: министру тов. Орлову и начальнику главка тов. М. Лайко: «Напоминаем и **просим**... Положение безвыходное».

Ответа нет, молчание!..

В конце мая в Краснодар прибыл начальник планово-производственного управления Министерства лесной и бумажной промышленности РСФСР тов. П. Дорожкин. Обрадовались его появлению кубанские лесозаготовители: «Лед тронулся!.. Дорожкин не зря приехал».

Узнав, что в леспромхозах из-за отсутствия запасных частей бездействуют автомашины «ЗИС-151», представитель министерства стал метать гром и молнии:

— Бесхозяйственники! Почему не поставили нас в известность?

Дорожкину предъявили копии телеграмм и писем, оставшихся без ответа.

— Ах, вот оно что. Тогда я сам...

И Дорожкин дает телеграмму заместителю министра лесной и бумажной промышленности РСФСР тов. Е. Лопухову (№ 799): «Необходимы экстренные меры... Положением ознакомился лично...».

Ответа нет и по сию пору.

В июне в Краснодар приехал бывший министр лесной и бумажной промышленности РСФСР тов. С. Никифоров.

— Теперь кончились наши мытарства,— говорили краснодарские оптимисты.— Министр сразу положит конец волоките.

Действительно, тов. Никифоров лично послал телеграмму за № 893 своему заместителю тов. А. Ефимову.

Министр не просил, а приказывал: «Для обеспечения выполнения графика лесовывоза немедленно отгрузите «Краснодарлесу» запасные части к автомашинам «ЗИС-151» (дальше идет подробное перечисление необходимых запасных частей).

Об этом в тот же день стало известно леспромхозам. Вопрос решен. Министр приказал... «Поступление запасных частей ожидается в ближайшие дни»,— говорили люди. Но уехал из Краснодара министр и забыл о проверке исполнения своего распоряжения. Пробовали напомнить ему, а в ответ — опять молчание.

Может быть, и действительно трудно с запасными частями, но нельзя годами отмалчиваться вместо ответа на телеграммы.

Комбинат устал телеграфировать...

Теперь вот и мы **просим**.

Арк. ДАШКЕВИЧ,
Л. ДАВЫДОВ

КРАСНОДАР

Поездка в Углич

Ольга БЕРГГОЛЬЦ

1. У каждого человека, наверное, есть один, самый любимый и самый счастливый, всю жизнь повторяющийся сон. Он может исчезнуть на целые годы, но потом обязательно вернется и щедро одарит вас той же радостью.

Есть такой сон и у меня: мне снится город детства — Углич, куда мать, сестра и я приехали из Петрограда в восемнадцатом году и жили тут, пока совсем не кончилась гражданская война, и отец прямо с войны заехал за нами, чтобы всем вместе вернуться в Питер. За два с лишним года в Угличе мы жили на разных улицах, в разных домах, а дольше всего — по ордеру горкоммуны в келье Девичьего монастыря. Наш корпус был самым дальним, угловым, он стоял близ дремучего садика, над глубоким, притаившимся под огромными липами прудом. Школа помещалась тоже в монастыре, в кирпичном здании напротив высокого белого собора с пятью синими главами, усыпанными золотыми звездами.

Мы прожили в келье лето, осень и зиму, главное — зиму двадцатого года... Ух, какие это были медленные, ледяные вечера с вонючей слепой коптилкой, с грозным ревом близких монастырских колоколов, с горючей тоской о Петрограде! А мама по вечерам уходила преподавать в школу ликбеза, где старухи учились читать, как маленькие, и мы сидели одни, запертые в сводчатой морозной келье. С нами, правда, сидела еще рыжая собака Тузик, привязавшаяся к нам. Угрожающе ревели колокола, невдалеке было кладбище с могилами каких-то старцев (монашенки, дежурившие в школе, говорили, что старцы иногда «встают из могил»), и если б не Тузик, то было бы совсем страшно. Придвинув смердящую коптилку к самым книгам, страшась, что она может потухнуть, и потому почти не дыша, закутавшись в одеяло, мы учили уроки, а Тузик сидел прямо против двери, воинственно навострив рыжие уши, готовый защитить нас от старцев, если они вдруг вылезут из своих могил и станут сюда ломиться.

И вот уже в молодости этот высокий белый собор, этот угол монастырского двора с прудом и могучими липами, скудное жилье времен гражданской войны стали мне почему-то сниться, как место чистейшего, окончательного счастья. Мне снилось: я приехала в Углич и иду по длинной, поросшей мелкой зеленой травкой улице, а вдали светится белая громада собора, стена, идущая от него, и за ней высокие, могучие липы. С тех пор, как мы уехали из Углича, прошло тридцать два года — наших тридцать два года...

И вот в конце лета я решила отправиться в город детства.

2. Город детства возник в тумане, на рассвете, за марлей мелкого и теплого дождя. Он показался мне очень маленьким, особенно рядом с массивно вознесшейся аркой шлюза и огромным прямоугольным зданием гидростанции, и словно осевшим в землю... Я знала — так должно было показаться, но потом узнала, что ряд зданий Углича, особенно древних, на самом деле «уходит в землю»: с возникновением водохранилища высоко поднялись в городе грунтовые воды, грунт размягчился, он стал иным, чем несколько столетий назад, когда воздвигались эти здания. Тут есть о чем подумать организациям, охраняющим памятники старины, всемирно известные угличские жемчужины русского народного зодчества. Им нельзя дать «уйти в землю», нельзя дать разрушиться. Ведь они давно уже не являются очагами религиозного культа, противопоставленными нашему новому строю, как было еще в дни моего детства. Мы видим в них прежде всего добрый, щедрый многогранный зодческий гений русского народа, запечатленный в скульптурной архитектуре Воскресенского монастыря, в радостной, трепещущей богатством и строгостью красок живописи Дмитрия «на крови», в смелых каменных шатрах Успенской церкви, недаром еще столетия назад прозванной народом «Дивной»: так изумительно пропорциональны, музыкально гармоничны эти три шатра, выведенные в один кирпич,— искусство, нужное и нашему современному зодчеству.

Да и секрет неувядающих столетиями красок, ликующе-яркой поливы ярославских и угличских изразцов,— разве он нам не нужен!

Люди, которые искренне в свое время полагали, что, не сберегая и даже разрушая памятники старины, они этим самым якобы «борются со старым», были исторически близоруки и в своем невежественном нигилизме не думали о будущем. Увы, этот нигилизм, это пренебрежение или, в «лучшем случае», равнодушие к национальному достоянию — древнерусскому зодчеству — и сейчас сказывается на ряде угличских и ярославских памятников с убийственной и позорной наглядностью.

В 1948 году было принято правительственное постановление об улучшении охраны памятников культуры.

Это постановление фактически не выполняется — ни учреждениями, в ведении которых находятся памятники старины, ни организациями, арендующими эти сказочные строения под склады овощей, зерна, мыла, даже горючего... И не следят за всем этим, как надо, ни местные органы советской власти, ни центральные учреждения, на совести которых — охрана и реставрация этих памятников,— Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР. Я говорю сейчас только о том, вернее, о небольшой части того, что видела в Угличе и Ярославле. Просто по-человечески мне, как и всем людям, душой любящим русскую культуру, глубоко больно глядеть на «Дивную» и видеть зияющие трещины; видеть маленькие, но цепкие деревья, выросшие на абсидах, разрушающие своими корнями многовековую кладку; видеть, как льется внутрь дождь, и знать, что зданию угрожает гибель в самом ближайшем времени. Почти в столь же тяжелом состоянии находится в Угличе и великолепный по архитектуре Воскресенский монастырь и стоящий с ним рядом Предтеча.

Государство, отпуская большие средства на охрану и реставрацию, кровно заинтересовано сохранить эти памятники. Но учреждения, которые конкретно должны это делать, судя по Угличу и Ярославлю, делают это плохо.

Мне говорили, что у некоторых работников Ярославского облисполкома и управления главного архитектора города сильна тенденция — как можно «рентабельней» эксплуатировать памятники и по возможности снимать их со списка охраны. Арендаторы большей частью не выполняют правил эксплуатации. По единодушному утверждению практиков-реставраторов самая система охраны памятников и их реставрации крайне громоздка, многоступенчата!

...Я вдруг спохватилась, что все еще не рассказала о встрече с «моим монастырем», а все, что написала выше,— итоги этой встречи...

Водворившись в одноэтажном, украшенном резьбой деревянном доме городской гостиницы, с пышными красными геранями на всех окошках, я так и не уснула в то утро, а, переждав дождь, отправилась к месту далекой зимы детства, к последнему жилью, к школе, к белому собору. Он был виден почти со всех концов города, и все же я долго, как во сне, шла к нему, кружа забытыми улицами. Улицы были покрыты веселой влажной травкой, и по ним неспешно расхаживали многочисленные гуси. Все было почти так же, как в детстве, как во сне, но ко́рпуса, где была наша келья, не было... Не было пруда и лип, не было и стены, идущей к школе и собору; только красное здание нашей школы было таким же, и было попрежнему школой. Я села на скамейку в маленьком цветнике, разбитом перед школой, и подумала, что встреча со счастьем и детством не состоялась...

Молодая женщина, поправляя кошелку с овощами, присела рядом со мною.

— Скажите, как мне попасть отсюда на Благовещенскую улицу?—спросила я ее. Мне хотелось разыскать еще дом наших друзей по тем годам.

— На Благовещенскую? Что-то я такой не знаю...

— Она пересекает Крестовоздвиженскую, которая идет отсюда.

— Ну-у? Разве это была Крестовоздвиженская? Она Октябрьская... А та, что вам надо, наверно, улица Свободы... Я не знаю как следует — я живу на улице Зины Золотовой.

— А Зина Золотова — это кто?

— Разве не знаете? Это наша замечательная угличанка... Первая здешняя трактористка комсомолка. Ее кулаки зверски убили, молодую совсем. Вот в ее честь и названа улица. Мы и живем там с мамой... со старушкой.

— Вы здесь родились?

— Да нет, мы ленинградские. Только мы тут уже давно,— одиннадцать лет. Наш папа раньше тут работал, на гидростанции, на монтаже... Ну, умер в блокаду, не выдержал... А нам с мамой велел сюда ехать. Мы через Ладогу, по дороге жизни ехали,— мне десять лет, сестренкам того меньше, мама еле жива, вся черная. Тут много было ленинградцев, блокадников. Ну, многие обратно уехали, а мы здесь остались,— побоялась мать возвращаться в Ленинград,— такое мы там пережили, вы и не представляете...

— Нет,— ответила я,— представляю.

Я вновь обошла то место, где когда-то было детство, где Углич приютил нас, детей, в годы гражданской войны... Он снова принял ленинградских матерей и детей в годы Великой Отечественной, а наше поколение уже воевало, обороняло Ленинград... Между этими двумя войнами была убитая кулаками Зина Золотова, и строилась Угличская гидростанция, оснащенная ленинградскими машинами,— я помню как создавали их на «Электросиле», где состояла в то время на партийном учете. О, какое большое время вложилось в биографию каждого из нас,— какое большое! И вот не чувство счастья, а нечто бо́льшее,— чувство великой живой сопричастности, кровной жизненной связи со всем, что меня окружает, с тем, что уходит в землю и в воду, и с тем, что воздвигнуто и воздвигается сейчас; со всеми, кто в разные годы погиб за Родину, и со всеми, кто строит ее здесь, в Угличе, в Ленинграде, в Москве,— это всеобъемлющее сильное чувство, знакомое каждому советскому человеку, охватило сознание и сердце.

3. Вместо встречи с прошлым в Угличе состоялась для меня встреча с будущим.

Я была там в дни пятой сессии Верховного Совета СССР.

Огромное значение этой сессии для всей народной жизни понято всеми — и колхозниками и горожанами. Всем понятно, что речь идет не только об увеличении выпуска и улучшении качества товаров народного потребления, но о все возрастающем уважении к нуждам и запросам рядового человека, к его обычной повседневной жизни, наконец,— к его личности. Всегда вызывали гнев и законное раздражение явления, свидетельствующие о пренебрежении к обычным нуждам и запросам населения. Сейчас они совсем нетерпимы, в особенности те отрицательные явления, которые можно ликвидировать на месте, своими силами и средствами, помогая тем самым государству в его общей грандиозной работе. А отрицательных явлений в Угличе, в быту его не мало...

Почему в гостинице горкомхоза, в местах общественного пользования, в дни дождей с потолков льет, как из лейки? Почему в той же гостинице, находящейся в городе, где действует великолепная гидростанция, всего один штепсель, да и то в дежурке, и обслуживает этот штепсель и плитку, и чайник (кипятильника нет), и утюг. В гостинице останавливаются инженеры, архитекторы, писатели, художники — люди, которым необходимо работать за письменным столом, но настольных ламп нет — штепселя в номерах нарочно сняты, «чтоб у нас не стряпали и не заживались», как объяснила заведующая гостиницей. Тем не менее в гостинице стряпают (кормят в угличских столовых отвратительно) и пользуются, конечно, по очереди, этой единственной плиткой в дежурке и единственной посудой... небольшим алюминиевым ковшиком из умывалки.

Равнодушием, длительным пренебрежением к обычным запросам трудящихся объясняются и такие факты, что, например, в Угличе стало проблемой сшить простую мужскую рубашку, не говоря уже о костюме. В Угличе «проблема»—купить иголку, лезвие для бритвы, простые мужские хлопчатобумажные брюки, простое платье... В Угличе проблема — купить обыкновенную глиняную крынку, цветочный горшок, миску; проблема—переложить или сложить у себя в доме печь, починить дверь или навесить новую... А почему? Да потому, что не найдешь портного, печника, гончара, плотника.

— У нас при промкомбинате были два старика гончара,— сказал мне один угличанин, когда мы рассуждали об этом,— потом померли, а «кадры», которые промкомбинат подготовил в количестве двух человек, разбежались. И заметил я — есть среди молодежи немало таких, которые стесняются простых профессий: вот экскаваторщиком быть — пожалуйста, а гончаром, печником — простите! Тут и оплата труда роль играет,— это все верно, но...

Он помолчал и добавил:

— Вот вы, литераторы, почему вы так мало и, простите, неувлекательно пишете о людях простого труда, обыкновенных профессий? Все больше о том: «была простой колхозницей — стала агрономом», или: «был простым рабочим — стал инженером». Это отлично, слов нет. Но ведь нельзя же всем быть агрономами и инженерами? Разве зазорно иметь и повышать об-

А. ИГНАТЬЕВ

ПРАВДА ИСТОРИИ

Меня, участника русско-японской войны 1904—1905 года, при одном взгляде на афишу Малого театра охватило большое волнение. «Порт-Артур» — само название спектакля ко многому обязывает. Падение Порт-Артура мы, русские люди, пережили в свое время как величайшую трагедию. Здесь кровь народа пролилась понапрасну только потому, что во главе армии стояли бездарные трусы и предатели, что гнет царского самодержавия мешал проявиться силе русского оружия.

Исторический смысл этого события с гениальной прозорливостью еще в 1905 году определил В. И. Ленин: «Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма».

Сцена из 4-го действия пьесы И. Попова и А. Степанова «Порт-Артур» в постановке Государственного академического Малого театра Фото А. Батанова

Этот пролог капитуляции позорного и бесславного царизма разыгрался на наших глазах, мы видели воочию, как не могли развернуться во всю мощь доблесть и бесстрашие русского народа из-за продажности, бюрократизма, гнилости государственной системы царизма.

Большая и сложная задача стояла перед театром. Чтобы показать храбрость и бесстрашие русских воинов, истинных патриотов, надо было создать образы героические; надо было привлечь испепеляющую силу сатиры для того, чтобы обличить преступления царизма, его продажных и бездарных генералов. И отрадно, что Малый театр хорошо справился с этой задачей. Историческая хроника А. Степанова, посвященная обороне Порт-Артура, стала хроникой драматической. С напряженным вниманием зрители следят за событиями — от первой картины, когда лихую мазурку на балу у коменданта прерывает первый залп войны, до последней, финальной сцены, когда полные отваги и мужества воины, готовые к бою, способные побеждать, вынуждены сдаться.

Авторам пьесы И. Попову и А. Степанову и постановщикам спектакля К. Зубову и П. Маркову удалось передать не только весь драматизм событий, но показать с жизненной правдой и исторической достоверностью главных действующих лиц трагической эпопеи. Должен отметить, что в пьесе нет четкого сюжета, что она слагается из отдельных эпизодов. Это является серьезным недостатком произведения. Однако и в далеко не совершенной пьесе подкупает достоверное изображение исторических событий. Мне кажется, особенно дорого в этом спектакле проникновение в сокровенные глубины душ человеческих: в одном случае направленное к тому, чтобы безжалостно разоблачить предателей, в другом,— чтобы показать силу, храбрость и несгибаемую энергию русских патриотов. Живые и хорошо знакомые люди предстали предо мной!

Сколько я видел генералов старой царской армии, как две капли воды похожих на Стесселя, в исполнении К. Зубова! Ничтожество и тряпка в доме и сатрап в казарме, человек, больше всего озабоченный собой, своей карьерой, и меньше всего думающий о судьбе родины, о чести воина, о порученном деле,— таким предстает перед нами Стессель—Зубов. Светский, уверенный в себе, барственный и даже величественный на балу, он совершенно бессилен перед лицом грозных событий, не может выбраться из сетей предателей, шпионов, казнокрадов и трусов, опутавших его со всех сторон. Энергия, способность действовать проявляются в нем только тогда, когда надо спасать свою шкуру. Я не знавал госпожи Стессель, но мне кажется, она была именно такой, какой ее показывает Е. Шатрова,—корыстолюбивой, властной женщиной, лишенной благородных чувств, командующей своим мужем и почти всеми, кто ему подчинен.

Дело, конечно, не в том, чтобы воссоздать на сцене все биографические подробности из жизни действующих лиц,— это вовсе не задача искусства. Дело в том, чтобы в конкретных образах раскрыть типические явления времени, к чему и стремится театр. Инженер-капитан Сахаров (В. Шарлахов), генерал Фок (В. Савельев), барон Танака (В. Кенигсон), великий князь Кирилл Владимирович (Б. Телегин) — это галерея образов, в которых проявились очень похожие на своих прототипов, разные, но одинаково отвратительные тени прошлого: матерый шпион, бессовестный жандарм, титулованный кутила, мот и бездельник.

Эмоциональная сила и художественные достоинства спектакля не только в том, что он с большой сатирической остротой обличает виновников трагедии Порт-Артура, но прежде всего в том, что он показывает доблесть и мужество многих русских людей, талантливых полководцев, храбрых и отважных солдат и офицеров, вынужденных сдаться только потому, что они находятся в зависимости от предателей и ничтожеств, возглавляющих оборону крепости. Темным силам ярко противостоят силы светлые, ясные, необъятно могучие.

Простой солдат Филипп Блохин в исполнении Н. Рыжова — это широкое, русское сердце. Добрый и храбрый, веселый и самоотверженный, он стоит за правду и погибает за нее. Крестьянин Софрон Родионов (К. Светлов) и рабочий-путиловец Иван Терешкин (Б. Попов)—все это не безликие эпизодические фигуры, а ясно очерченные характеры со своим складом речи, со своими человеческими и социальными свойствами.

Большинство эпизодов спектакля построено на драматической борьбе, на столкновениях противоборствующих сил. Генерал Фок, бывший жандарм, трус и предатель, пользуясь своей властью, незаслуженно оскорбляет солдат, пытается арестовать их боевого командира Борейко. И вот солдаты дружной стеной встают против сатрапа. И такой гнев, такая сила, такое могучее единодушие в этой плотной стене устремившихся на Фока солдат, что он струсил и с пистолетом в руках отступил перед обезоруженными. Такого драматического напряжения театр стремится достичь в каждой массовой сцене, показывая героизм, удаль и бесстрашие простых русских людей.

В полном соответствии с исторической правдой в спектакле показаны и командиры-патриоты, лучшая часть русского офицерства, настоящие герои обороны. Первый среди них — адмирал Макаров, флотоводец, ученый, волевой командир, мужественный воин (Н. Анненков). Простой, естественный, душевный тон в беседах с солдатами, матросами, офицерами он меняет на непреклонный и властный, когда сталкивается со всеми, кто мешает делу обороны, его, Макарова, главному и кровному делу. На таких же ярких и жизненно достоверных контрастах построена и роль поручика Борейко в исполнении В. Доронина. «Медведь», пьяница, грубиян, солдафон, может быть, даже чрезмерно злой и ожесточенный человек, он постепенно раскрывается как истинный друг солдат, храбрец, герой, который под грубой оболочкой и «дурными манерами» прячет доброе и отзывчивое сердце. К сожалению, не везде и не во всем театр и драматурги добиваются выразительности и ясности в обрисовке характеров, в драматическом построении сцен. Так, неудачей спектакля является образ прапорщика Звонарева (Е. Матвеев). Отличный специалист своего дела, человек увлеченный и порывистый, энергично восстающий против косности начальства, он представлен на сцене холодным резонером. Умилительный, лишенный живых и ясных черт образ сестры милосердия Вари Белой (А. Щепкина).

И не только в трактовке этих образов,— есть серьезный недостаток в самой важной части спектакля; я имею в виду финал, где герои лишь подводят итоги событиям, декларативно, словом, а не действием.

Спектакль «Порт-Артур» в ярких художественных образах воссоздает картины борьбы лучших, передовых людей русской армии и русского общества с прогнившей системой самодержавия.

Новые книги

Вейденбаум Э. Избранное. Стихи. Перевод с латышского Г. Горского. Рига. Латвийское государственное издательство. 103 стр. Цена 2 руб. 70 коп.

Велюгин А. Стихи. Авторизованный перевод с белорусского. «Советский писатель». 99 стр. Цена 1 руб. 95 коп.

Вильде Э. Ходоки из Ания. Роман. Перевод с эстонского. Таллин. Эстонское государственное издательство. 300 стр. Цена 6 руб. 15 коп.

Гудайтис-Гузявичюс А. Правда кузнеца Игнотаса. Роман. Авторизованный перевод с литовского Л. Левинене и И. Декторайте. «Советский писатель». 679 стр. Цена 13 руб. 10 коп.

Гусейн М. Апшерон. Роман. Перевод с азербайджанского А. Садовского и М. Джафара. Гослитиздат. 312 стр. Цена 6 руб. 35 коп.

Мишура С. Бережаны. Роман. Киев. «Радянський письменник». 628 стр. Цена 14 руб.

Саксе А. Трудовое племя. Роман. Перевод с латышского Д. Глезера. Рига. Латвийское государственное издательство. 264 стр. Цена 5 руб. 85 коп.

Стальский С. Стихотворения и песни. Перевод с лезгинского. Гослитиздат. 96 стр. Цена 2 руб. 15 коп.

Танхимович З. В степях Забайкалья. Роман. Кн. I. Алма-Ата. Казахское государственное издательство художественной литературы. 344 стр. Цена 6 руб. 40 коп.

Тихий П. Проходчики. Стихи. Авторизованный перевод с украинского. «Советский писатель». 111 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

Упеник Н. Краснодонская тетрадь. Стихи. Авторизованный перевод с украинского. «Советский писатель». 87 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

разование, духовно расти — и все-таки оставаться обыкновенным рабочим или крестьянином?

Слушая его, я еще раз подумала о том, как часто мы, литераторы, ставим знак равенства между человеком и простотой его профессии и общественного положения. А для художника прежде всего человек должен быть «удивительным», как учил великий Горький, и простота его труда и положения в наше большое время только подчеркивает его эпохальную удивительность.

4. В угличском Кремле рядом с теремом царевича Дмитрия находится межзаводская школа рабочей молодежи. В небольшом небесно-голубом актовом зале остро пахло свежей краской, а пол был еще совсем сырой, так что мы с директором В. Тихоновым полюбовались залом, стоя в дверях. Здесь во время зимних каникул, когда Углич погружается в волшебство снега, сугробов и инея, в первое воскресенье февраля происходят традиционные встречи студентов, кончивших эту школу, приезжающих в родной город на отдых, с учащимися старших классов школы. На зимние каникулы в этом году приезжало сюда больше двух десятков студентов. Встречи эти всегда сердечны, по-молодому веселы и в то же время деловиты: студенты рассказывают, как сдавали они экзамены в вузы, какие недоработки в школе были им помехой, что надо улучшить, углубить в преподавании, в распорядке школы.

Директор школы следит за судьбой многих своих питомцев пристально и заботливо. Мне не удалось повидать их, но, судя по кратким рассказам Тихонова, какие это по-горьковски удивительные люди!

— Вот есть у нас бывший наш ученик, слесарь завода точных камней Вахнин. Учится сейчас в Институте иностранных языков, на восточном отделении. Что ж, может быть, имеем в его лице будущего выдающегося дипломата! А бухгалтер того же завода Иван Кириллович Туриков, кончивший нашу школу, уже перешел на второй курс Московского финансового института. Учится, не оставляя прежней работы, заочно... А некоторые наши ученицы успели уже и нашу школу окончить, и высшее образование получить, и вернулись к нам же, в Углич, в нашу же школу рабочей молодежи — на преподавательскую работу. Вот Козьмина преподает теперь у нас математику. Вышакова—она ленинградский Герценовский институт кончила—химию и дарвинизм. А теперь заочно поступила на физическое отделение Ярославского пединститута.

— Самое характерное,— прибавил, помолчав, Тихонов,— это то, что сейчас велика тяга именно в старшие классы: восьмые—десятые. А я еще хорошо помню, как преподавал в ликбезе: «Мы не рабы, рабы не мы»...

— И я это помню,— ответила я,— здесь же, в Угличе, «Мы — не ра-бы», да, да, с этого начали... Гражданская, интервенция, холод и голод, и решение: всех обучить грамоте... Мы — не рабы!

И вновь предстали передо мной далекая зима детства и исчезнувший с лица земли угол монастырского двора с нашей кельей.

И все-таки я ее нашла — эту зиму, это здание, как раз с нашими окнами, и зимние липы и пруд под снегом...

Иван Николаевич Потехин, художник, старожил-угличанин, одну за другой показывал мне акварели, этюды маслом, рисунки карандашом и пером, изображающие старый сказочный Углич, и вдруг так, запросто, и положил перед глазами этот тонкий рисунок пером, а на нем — детство, зима, счастье, на нем то, что снилось долгие годы, заветное место, к которому так и не могла дойти во сне и не дошла наяву... А оно, оказывается, живо. И вот глядит на меня всей своей неуходящей прелестью. Оно живо, оно сохранено старым художником — он был в те годы, как и сейчас, учителем рисования и черчения... Как догадался он, что этот скромный легкий рисунок так нужен будет чьему-то сердцу? Радость встречи этой, подаренной искусством, была, вероятно, глубже той, которую ждала я от жизни...

Нет, не за прошлое держался старый художник, запечатлевая стоящий теперь на дне Угличского водохранилища Покровский монастырь XV века, облик Углича таким, каким он был до возведения рядом с ним плотины, гидростанции, шлюза. О наследниках, о будущем думал он, о наследниках, которые придут сюда принять все свое наследство и пожелают увидеть, а что же тут было много-много лет назад, чтобы по достоинству оценить бурное наше время, менявшее облик русской земли... Он думал и думает, как большинство встреченных мною людей, не только о завтрашнем дне, но и о большом времени, простирающемся далеко в будущее.

Вот он ходит по деревням, зарисовывая старинную, еще сохранившуюся кое-где резьбу наличников, подзоров, коньков, — ведь резчики по дереву, как и гончары, здесь почти исчезли. Исчезают и образцы. Но они должны быть сохранены — чудесные в простоте, первородности и естественном изяществе образцы! Должны вновь появиться искусные молодые мастера, искусство резьбы не должно исчезнуть, ведь оно служит людской радости, украшению мирного жилья...

Вот он, невысокий и крепкий, смуглый старичок, неутомимый краевед, бродя по лесу, обнаруживает под корнями вековой, вывороченной ветром сосны кирпичи. Старые, массивные кирпичи... Он наклоняется, разбирает кирпичи, обнаруживает лаз, ползет туда на спине, чиркает спичку и видит, что кирпичный свод над ним сияет десятками ослепительных красок, с преобладанием голубых, желтых, зеленых,— точно ушедшая в землю пышная радуга спряталась и окаменела здесь. Ему ясно — это печь для обжига немеркнущих знаменитых угличских изразцов, которыми изукрашены древние церкви, из которых сложены лежанки и печи в массивном бревенчатом доме Ворониной. Здесь они обжигались — на своде следы поливы, секрет которой еще не разгадан, которая так нужна была бы нам — и для облицовки московских зданий и в керамическом производстве. Значит, оно действительно было в Угличе и его можно возродить,— тем более, что возле города огромные залежи прекрасных, жирных пластических глин и — опять-таки открытые художником — редкие по качеству каолиновые глины. И вот Иван Николаевич из этих великолепных глин лепит опытные фигурки, вазочки, утварь, с большим трудом, кустарным способом обжигает их, и обжиг дает прекрасные результаты. Здесь сама природа, исторические традиции подсказывают — создать керамическое производство, и старый художник предлагает создать студию, объединить и воспитывать кадры художников резчиков, керамиков...

Я еще о многом не сказала. А надо бы было подробно рассказать о вечерах в Ярославле, где работники реставрационной мастерской—молодые архитекторы Евгений Георгиевич Ефремов и Леонид Константинович Россов показывали мне изумительную живопись древних ярославских церквей—Ильи Пророка, Николы Надеина.

И здесь, как почти у всех встреченных мною ранее людей, восхищение перед великим народным творчеством прошлого естественно и сильно переплеталось с глубокой личной заботой о сегодняшнем нашем градостроительстве, — я сказала бы даже,—со своеобразной ревностью к прошлому, с хорошей тревогой за то, как будут глядеть на наше зодчество наследники, потомки, — с думой о большом времени.

Снова был вечер, закат над Волгой, просторный, мощный закат, и на той стороне реки расстилалась такая Россия! А с новой, прекрасной набережной реки Которосли, как на ладони, был виден в контражуре на закате Ярославль.

— Видите, какой чудесный силуэт, профиль у города? — говорили архитекторы.— И как в нем запечатлелась идея... А ведь нашу идею мы обязаны еще прекрасней выразить, запечатлеть... Но как у нас мало думают о профиле, силуэте города... в частности, волжского города, который сразу весь виден. Ведь необходимо же думать о том, чтобы сочетать исторически сложившийся силуэт с новыми постройками,—нет, не «подгонять под старину», циркульная стилизация — это не правда, она лжива. Продумать это надо, творчески поработать, отказаться от шаблона, учесть, чтоб не врезался какой-нибудь прямоугольный сверхтиповой, стандартный «жилой блок» в исторический ансамбль, как, например, в Угличе. А ведь там этот «жилой блок» просто вопиет рядом со сказкой. И ведь это уж — на века. Если уж рядом, то надо, чтобы не хуже, а лучше старины был, чтоб гармонировал. А главное, был бы правдив, выражал бы душу эпохи так, как она того заслужила.

— Я слышал,—прибавил Ефремов,— душа эпохи прежде всего в архитектуре выражается... Это правда.

— И в музыке,— добавил Россов.— Я люблю музыку.

И мы вновь и вновь вглядывались в силуэт Ярославля, в Россию, расстилавшуюся вокруг, и вновь говорили о музыке, об архитектуре, о градостроительстве, о том, какие огромные возможности открываются перед всем народом и перед каждым из нас, кем бы он ни был: печником, поэтом, зодчим, колхозником...

...Пусть мои путевые записи пока оборвутся на этом. Многие вопросы я вынуждена была затронуть лишь бегло и совсем не как специалист. Думаю, что специалисты выскажутся подробнее, основательнее о простых, но жизненно нужных профессиях, о профиле волжских городов, о действительной охране памятников культуры и о многом другом. А многое, что не удалось высказать, изложить здесь мне и моим собеседникам, пусть уйдет в будущую нашу работу, у каждого на своем участке, и у всех — будем надеяться — на благо и славу нашего Большого Времени.

УГЛИЧ — ЯРОСЛАВЛЬ

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

◇

ПОМОРСКАЯ БЫЛЬ

В конце XVI века голландская экспедиция Виллема Баренца «открыла» в северных широтах остров, назвав его Шпицбергеном. Четырьмя веками раньше этот остров уже был известен русским мореходам и именовался Грумантом.

Повесть известного полярного исследователя **К. Бадигина «Путь на Грумант»** («Молодая гвардия». 1953. 333 стр.) восстанавливает историческую правду об отважных русских поморах, о их героических подвигах, смелых экспедициях на Грумант, стоивших многих человеческих жертв.

«Путь на Грумант» — поморская быль о четырех отважных поморах, попавших на далекий остров после гибели во льдах их ладьи и проведших там шесть долгих лет, полных невероятных трудностей.

В основу книги Бадигина положено действительное событие — рассказ самих поморов о пребывании на Груманте в 1743—1749 годах, записанный с их слов академиком Ле Руа. Этот исторический факт придает повести почти документальную достоверность, делает ее для читателя особенно интересной.

К. Бадигин, хорошо знающий север, его прошлое, сумел в увлекательной, живой форме сообщить немало полезных и ценных сведений об Арктике.

Приключения груманланов, их мужество, твердость в борьбе со стихией описаны правдиво и дают яркое представление о тех лишениях, которые приходилось преодолевать русским мореплавателям.

Автор рисует своеобразные, сильные характеры четырех поморов: кормщика Алексея Химкова, его сына — мальчика Вани, Степана Шарапова и Федора Веригина.

Нужны несгибаемая воля, энергия, мужество, чтобы выдержать шесть зимовок на необитаемом острове.

Гибнет от цынги богатырь Федор Веригин, на острове остаются трое поморов и продолжают борьбу с голодом и стихиями. В этой борьбе окреп и закалился сын Алексея Химкова — Ваня, он будет таким же смелым мореходом, как отец, у которого сын заимствует ценные познания о плавании во льдах, учится морскому промыслу и искусству мореплавания.

Вполне оправдана в повести находка обломков старинной ладьи новгородцев-промышленников, добывавших моржовые клыки и открывших остров Грумант. Эта вставная новелла о мореходах великого Новгорода времен посадницы Марфы Борецкой органично входит в книгу.

Автор хорошо изучил поморский фольклор. Песни, обычаи, легенды поморов придают повести не только познавательный интерес, но и поэтичность.

Но не всегда автору удается сохранить интонацию повествования, язык эпохи. В ткань языка порой врезаются современные выражения: «Ответственное поручение взял на себя Степан Шарапов», «Охотники продолжали безустали **тренироваться**» и т. п.

В построении сюжета чувствуется некоторая надуманность. Скороговоркой, мимоходом рассказывается о появлении на острове англичан — моряков и каторжников, приговоренных к смерти, которым казнь заменена ссылкой на гибельный остров. Этот эпизод соответствует исторической действительности и был бы кстати, если бы автор развил его, уделил ему больше места.

Нет никакого сомнения в том, что промышленники-поморы недолюбливали купцов, которые бессовестно эксплуатировали их. Однако это необходимо было показать с большей глубиной и убедительностью, а в повести об этом говорится вскользь и несколько поверхностно. Такой же отпиской звучит фраза, которая должна отобразить отношение мореходов-новгородцев к боярам и дьякам:

«Общую радость мореходов отравляло появление новгородских вельмож».

« — Кабыть кончается вольная волюшка и на Грумант наш бояре своего пса, дьяка, привезли. Глядишь, скоро и попы приволокутся...»

Сомнительно, чтобы новгородцы в XV веке с такой точностью характеризовали свое угнетенное положение.

Исторический очерк о русских землепроходцах-полярниках — второй раздел книги К. Бадигина, несомненно, ценен в познавательном отношении.

Лев НИКУЛИН

◇

В ПЛЕНУ У СХЕМЫ

Одна из первых глав повести **П. Маляревского «Здравствуй, жизнь!»** (Иркутск. 1953. 348 стр.) описывает неудачный доклад студента-медика Сени Земцова на собрании научного студенческого общества.

Сеня Земцов, много размышлявший над учением Павлова о природе патологического процесса, верно изложил в своей работе теоретические взгляды замечательного ученого, обосновал необходимость подхода к болезни, как к процессу, захватывающему весь организм человека, а не как к местному расстройству отдельных органов. Но от того, что он не сумел подтвердить верные теоретические положения клиническим материалом, доклад получился бледный и безжизненный.

Автор повести «Здравствуй, жизнь!» невольно оказался в сходном положении со своим героем. В его книге излагаются интересные взгляды передовых деятелей советской медицины на корни болезни. В повести, в отличие от доклада Сени Земцова, немало клинических примеров, подтверждающих правильность этих взглядов. Но в художественном произведении роль таких иллюстраций намного скромнее, чем в научном докладе. Здесь необходимы не только примеры, но живые образы, художественные обобщения. Однако все, что выходит за пределы нескольких правильных теоретических медицинских положений, многократно и обстоятельно повторяемых в повести профессорами и студентами медвуза и больными, которым они возвращают здоровье, написано автором крайне поверхностно и неубедительно. Герои повести — это упрощенные олицетворения положительного, отрицательного или еще не вполне сложившегося отношения к павловскому учению.

О передовых ученых медицинститута — доцентах Никонове и Нестерове читатель узнает только то, что они — люди, глубоко проводящие в жизнь новые методы лечения. Неизвестно даже, чем они отличаются друг от друга. Об одном из главных действующих лиц повести, заведующем кафедрой терапии Николае Васильевиче, можно узнать лишь то, что, несмотря на солидную образованность и собранную им хорошую домашнюю библиотеку, он противится передовым взглядам. Ничего не известно ни о характере этого профессора, ни о его жизненном пути.

Действующие лица книги, особенно, когда речь идет о больных, которых лечат правильно или, напротив, неправильно, мелькают перед читателем так же невыразительно, как специальные примеры из медицинских учебников.

Целая глава повести посвящена решению выпускницы Лены поехать на год в Заполярье. Но напрасно мы рассчитываем узнать, как она жила и работала в далеком Чикойске.

Автор возвращается к своей героине только через год, чтобы сообщить о ее благополучном возвращении! Вот единственные строки, посвященные далекому городу: «Рано утром самолет поднялся над Чикойском. «Как вырос город, — думала Лена, глядя в окно.—Когда в прошлом году мы летели сюда, за зданием больницы был пустырь, а теперь там новая улица. А на берегу лесопильный завод. Его начали строить осенью, а сейчас над заводской трубой вьется дым...»

Это скорее штамп, чем картина. Теми же словами при желании можно говорить о любом другом городе-новостройке, достаточно только изменить название. О поверхностной работе над словом, о торопливости и небрежности автора говорит и язык повести: «Подернутые сединой... волосы его цвета перец с солью стояли ежиком». «И ему было немного не по себе от того, что давно никуда не выезжавшая жена сидит в пыльном душном городе, и от мыслей этих было не по себе, а тут еще немного покалывало в боку...».

Невнимание к слову, отписки и схемы, легкий путь условных сюжетных построений, по которому пошел автор, привели к тому, что он как бы опровергает этой бледной и безжизненной книгой и само ее заглавие.

Н. МУРАВИНА

◇

БЕЗ ПОДВИГА...

— Поезжайте. И побыстрее... А мы с Надюшей приготовим к вашему возвращению обед и все, что к нему полагается...

— Роман Лукич, — робко, молящим голосом обратилась Эверестова к майору,— разрешите и мне поехать с лейтенантом...

Шелестов поднял брови и, сдерживая улыбку, посмотрел вначале на девушку, потом на лейтенанта. «Сговорились? — подумал он. — Так нет, когда им было».

Если бы в повести **Г. Брянцева «Следы на снегу»** (журнал «Советский воин», №№ 11—17) рассказывалось о воскресной загородной поездке, эта сцена, мало потерявшая в сокращении, не могла бы вызвать возражений. Но ведь это история сложной боевой операции, связанной с поимкой вражеских шпионов, пробравшихся на нашу территорию!

Поэтому, когда опытный чекист Шелестов, посылая молодого Петренко на ответственное задание, ведет себя, как благодушный папаша, который, угадывая взаимную склонность молодых людей, отечески покровительствует юной паре, мы не чувствуем напряженности операции за этой легковесностью описания.

Драматических сцен в книге как будто и немало. Кочнев, инженер рудника Той Хая в Якутии, в чьем сейфе хранились секретные данные, найден мертвым в своем кабинете, тяжело ранен оленевод Очуров, гибнет старик-охотник Быканыров, пытавшийся задержать шпиона. Сменяются один за другим эпизоды, которые должны бы стать драматичными, а читатель не испытывает того волнения, с каким следил за событиями в повести того же автора «Конец осиного гнезда».

Самые напряженные столкновения обесцениваются тем, что они происходят с второстепенными персонажами. Даже старика Быканырова, автор удаляет из книги столь поспешно, что читатель не успевает по-настоящему сродниться с этим наиболее ярким героем второго плана; к судьбе же инженера Кочнева, который только упоминается, читатель остается равнодушным.

Схема сказывается и в поверхностном, плоском изображении врагов. Схватка чекистов происходит как бы не всерьез, не с матерыми врагами, а с условными злодеями. Столь же упрощенно описаны беседы диверсантов наедине друг с другом; их повадки изобличают скорее мелких жуликов, чем опытных хищников.

А вот как нарисован портрет шпиона Оросутцева: «При свете лампы, висевшей над столом, можно было разглядеть его широкоскулое, лунообразное лицо, с большим приплюснутым носом, маленькие черные, как у песца, глаза и разорванную чьими-то зубами мочку левого уха».

Схематичны и положительные герои, автор наделил их доходящей до беспечности уверенностью в благополучном исходе самых трудных операций: каменно спокоен майор Шелестов, на протяжении всей повести, шутя и играя, преследует молодой Петренко вражеского лазутчика.

Известно, с каким интересом тянется читатель к каждой новой приключенческой книге, стремясь найти в ней увлекательный рассказ о смелых подвигах и мужестве наших людей.

И очень жаль, когда его ожидания бывают обмануты и вместо единоборства умных и находчивых патриотов с коварным, опытным врагом он видит увеселительную прогулку с не очень опасными приключениями, без напряжения, без подвига...

С. ЛАРИН

◇

КНИГА О ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ В. МАЯКОВСКОГО

Книга **«Детство и юность Владимира Маяковского»** (Детгиз, М.— Л., 1953, 79 стр.) написана матерью поэта **Александрой Алексеевной Маяковской**. Вполне понятен интерес, с которым отнесется к этой книге и юный и взрослый читатель.

Многие факты детства Маяковского известны из его автобиографии («Я сам»), из свидетельств и признаний автобиографического характера, содержащихся в его публицистике и стихах, наконец, из воспоминаний его сестры Л. В. Маяковской. Факты эти были неоднократно использованы биографами поэта и исследователями его творчества.

Частично эти факты повторяются и в книге А. А. Маяковской. Но здесь они приобретают характер материнских свидетельств и порой по-новому и свежо освещают облик поэта. Так, например, общеизвестны факты, характеризующие участие Маяковского-гимназиста в революционных событиях 1905 года. Но именно в этой книге мы можем найти свидетельство о том, что «двенадцатилетний Володя весь отдался событиям, которые он переживал с исключительной активностью... Он настолько интересовался революционными событиями, что знал обо всем происходящем в городе» (в Кутаиси).

Книга содержит подробное описание обстановки, в которой родился и рос Маяковский, природы, быта и населения тех мест, где поэт провел детские и отроческие годы. Из ряда подробностей встают черты живого облика юноши Маяковского: мы узнаем о любви его к природе и постоянной привязанности к труду («Он любил,— отмечает мать,— делать из ненужных вещей что-нибудь полезное»), о любви к животным, увлечении астрономией, о занятиях спортом, интересе к киноискусству и т. д.

Ценны свидетельства А. А. Маяковской о круге чтения молодого Маяковского, о любимых им книгах, о первых, пробудившихся в юные годы, литературных симпатиях. С четырех лет, по словам матери, Маяковский полюбил книги и с большим интересом слушал русские народные сказки, басни Крылова, стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Мальчик питал любовь и к народной песне — русской, украинской, грузинской; в доме Маяковских песни эти часто пелись хором под руководством отца.

Родители выписывали собрания сочинений классиков, в семье интересовались литературой и много читали. Из современных писателей увлекались Горьким, Чеховым, Короленко. А вскоре в поле зрения юноши попали газеты, политические брошюры. В атмосфере постоянного интереса к произведениям демократической русской культуры и воспитывался В. Маяковский.

К сожалению, менее ценны последние разделы книги, относящиеся к поэтической биографии Маяковского. Здесь факты, известные читателям из многих источников, не оживлены непосредственными воспоминаниями; порою же они изложены несколько упрощенно. Думается, например, что и в книге для юношества следовало сказать об антинародном и антиреалистическом характере того литературного окружения, в которое на первых порах своей поэтической работы попал Маяковский. Напряженные и сложные искания молодого поэта в книге не отражены, хотя об идейной и литературной борьбе 1912—1913 гг. в ней вскользь говорится.

Книга иллюстрирована фотодокументами, относящимися к жизни Маяковского. Некоторые из них малоизвестны; в частности, останавливает на себе внимание письмо к матери из Одессы (1926 г.), характеризующее Маяковского как заботливого, нежно любящего сына.

И. ЭВЕНТОВ

„АВТАРКИЯ КУЛЬТУРЫ“ ИЛИ ДРУЖЕСКИЕ СВЯЗИ?

Ренато Гуттузо — один из талантливейших прогрессивных художников современной Италии, активный борец за мир. Публикуемая нами статья Р. Гуттузо посвящена решению Будапештской сессии Всемирного Совета Мира о широком культурном обмене и задачам деятелей культуры, связанным с реализацией этого решения.

В мире разум начинает, наконец, побеждать предрассудки; простые мысли простых людей, воспринимающих действительность такой, какая она есть, прокладывают себе дорогу, и они побеждают, они охватывают все новые слои людей, правительства, завоевывают новые принципиальные позиции. Все громче и сильнее звучит голос народов. Помыслы простого человека — крестьянской матери или юноши-рабочего, вдовы или подростка, раскрывающего глаза на мир,— в сумме своей являются помыслами всего человечества.

Вместе с укреплением воли народов крепнут и надежды на мирное разрешение существующих противоречий, на заключение новых соглашений, на организацию международных совещаний, целью которых явилось бы заключение пакта о прочном мире между великими державами.

Значение, которое имеют в этой обстановке укрепление связей и обмен информацией о достижениях в области культуры между всеми странами мира, — очевидно.

Сближение представителей культуры всех стран, возможность совместного обсуждения и сравнения нашего опыта и наших задач в области культуры с опытом и задачами, стоящими перед представителями культуры других стран, — не только существенная часть борьбы за мир, не только путь к взаимопониманию между народами, но, прежде всего, насущная необходимость для самого развития современной культуры. Мы, итальянцы, по опыту последних тридцати лет знаем, сколь губителен и опасен для культуры любой страны путь «автаркии», которая влечет за собой провинциализм и деградацию культуры и в конечном счете гасит в ней даже слабый луч жизни.

Для того, чтобы современная западная культура могла развиваться, быть орудием познания и прогресса, она должна выйти из состояния новой автаркии, ведущей ее к самосозерцанию и безнадежности. Можно было бы составить печальную антологию трактатов, изречений, лозунгов и принципиальных высказываний, принадлежащих крупнейшим представителям этой культуры и свидетельствующих о безвыходности создавшегося положения, положения «закрытых дверей». В настоящее время мы наблюдаем в западном искусстве стремление к крайнему самоуглублению, постоянные поиски «особенного», сугубо индивидуального, непривычного, при котором подмечаются отклонения, изощренности, странности, стоящие на грани подсознательного и даже за пределами сознания... Современная западная культура мечется от вымысла к вымыслу и умирает за закрытыми дверями.

Лучшие представители современной западной культуры добиваются, требуют, стремятся к укреплению контакта, обмену опытом и организации диспутов; они хотят признания, хотят выйти из замкнутого круга «специалистов» и «посвященных», разрушить стену непонимания и предрассудков и обратиться, наконец, к тому, что запрещали, на что обычно не обращали внимания, чему не доверяли, они хотят почерпнуть из этого новые жизненные силы.

Все честные деятели нашей культуры должны отдать себе отчет в том, что необходимость обмена опытом и ознакомления с культурами, отличными от нашей, является жизненной необходимостью для всей современной западной культуры.

Наши советские и китайские друзья ждут этого контакта, стремятся к этому взаимопониманию, к обсуждению всего лучшего, всего ценного, что отстояла западная культура, стремятся так же горячо, как мы ждем знакомства с их опытом, с их победами и достижениями. Именно поэтому деятели культуры всех стран должны приложить все силы к тому, чтобы расширить и укрепить эти связи, они должны добиться уничтожения всяческих предрассудков и предубеждений. Деятели западной культуры должны отказаться от провинциальной замкнутости, от убеждения, что только их позиции являются единственно правильными, *они* должны отказаться от привычки рассматривать задачи и позиции других культур, отличных от их собственной культуры, лишь с точки зрения своих собственных позиций и своих собственных задач...

Когда люди не понимают или не хотят понять то, что интересует других людей, когда нет возможности получить представление о сущности, о предпосылках и традициях какой-либо культуры, отличной от нашей,— об этой культуре судят поверхностно и пренебрежительно.

Чтобы избежать этого, чтобы знать эту культуру и иметь возможность судить о ней, нужно ближе знакомиться и как можно чаще встречаться с представителями интеллигенции и учеными других стран. До сих пор эти встречи были редкими и случайными. Затруднения, нелепые придирки и преследования, чинимые нашими властями, крайне ограничивали возможность подобных встреч. (Сейчас попрано еще одно право итальянских граждан: в любой момент и без всякого объяснения у нас могут отобрать паспорт.)

И все же некоторым нашим деятелям культуры и науки удалось встретиться и познакомиться с деятелями культуры, учеными и артистами Советского Союза, Китая, Польши, Венгрии. Эти встречи необычайно содействовали взаимопониманию, обмену опытом и ознакомлению с новыми задачами, установлению прочных и дружественных творческих связей. Только благодаря расширению и укреплению этих связей они могут стать крупным фактором в области развития культуры, будут способствовать взаимному сближению различных культур, обогащая человечество, способствуя повышению сознательности народов, смогут стать оплотом мира.

В своем выступлении на последней сессии Всемирного Совета Мира, состоявшейся, как известно, в июне этого года в Будапеште, известная советская писательница Ванда Василевская сказала, что обмен информацией о достижениях в области культуры и науки является не чем иным, как заключением дружеских связей между отдельными представителями культуры, но только в неизмеримо больших масштабах. Заключение таких связей необходимо: без них нельзя добиться мира.

Необходимо активизировать этот обмен, используя все средства, все возможности. Нужно наладить обмен выставок произведений искусства, театральных представлений, кинофильмов. Необходимо увеличить у нас в стране издание советских, китайских, чехословацких, болгарских, венгерских, польских, румынских книг так же, как необходимо ознакомить население этих стран с произведениями наших авторов. Нужно сделать все возможное, чтобы мы, деятели культуры, могли встречаться чаще.

Никакие помехи, никакие недоразумения политического характера не должны служить препятствием для встреч представителей интеллигенции и ученых, где и когда они найдут нужным, для установления новых связей и обмена опытом.

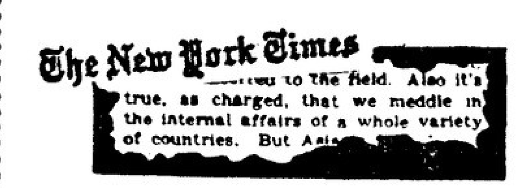
Все вышесказанное имеет прямое отношение и к развитию самой культуры и к упрочению взаимопонимания и дружбы между народами и должно быть выше всяких политических соображений и бюрократических препятствий.

В своем выступлении Ванда Василевская говорит также: «Я бы хотела, как и все вы, чтобы миллионы и миллионы людей знали и видели друг друга, наши народы, наши города и села, нашу разнообразную культуру, рассеяв пелену невежества, предубеждений, клеветы и равнодушия... Можно натравить друг на друга незнакомых людей, настроенных предубежденно; но никому не удастся довести друзей до того, чтобы они вцепились друг другу в горло. Для дела мира необходимо, чтобы все мы, сторонники мира, смогли крепко пожать друг другу руки, глубоко друг друга уважая и испытывая радость от сознания, что мир так прекрасен и так богат, что все народы обладают неисчислимыми сокровищами мудрости и прекрасного, доступными всем людям».

Эти чувства советских писателей разделяет подавляющее большинство народа и деятелей итальянской культуры. Но необходимо, чтобы эти чувства стали боевым знаменем представителей итальянской культуры и науки в деле защиты и укрепления мира во всем мире, в борьбе за эти неисчислимые сокровища мудрости и прекрасного, доступные всем людям.

Ренато ГУТТУЗО

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

The New York Times

...to the field. Also it's true, as charged, that we meddle in the internal affairs of a whole variety of countries. But Asia...

Американский журналист Джеймс Рестон в статье **«Америка в Азии»**, опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс» 30 августа этого года, признает:

«Правильно также, как нас обвиняют, что мы вмешиваемся во внутренние дела целого ряда стран».

Комментарии излишни!

ПОЕЗД РАДОСТИ

Через несколько дней после прекращения огня у 38-й параллели началось регулярное пассажирское движение по восстановленным железнодорожным магистралям Северной Кореи. В этот день из Пхеньяна отправились поезда в Синыйчжу у реки Ялуцзян, в северный порт Начжин, в героический Вонсан на берегу Японского моря и в Кэсон. Первый пассажирский состав из Синыйчжу в Пхеньян вел машинист Цой Тхэ Ук, чье письмо мы публикуем ниже.

Мой любимый паровоз вышел из Синыйчжу, и сейчас состав мчится у подножья горы Вотбонсан, вдоль широких полей.

Я со своими товарищами делаем все, чтобы ехать еще быстрее.

Поезд летит вперед, мимо мелькают телеграфные столбы...

Все наши мысли обращены к городу-герою Пхеньяну — сердцу нашей родины. Туда стремится и наш поезд. При одной этой мысли сильнее бьются наши сердца. «Быстрее в город победы, в город ликования!» И как будто угадывают наше горячее желание станционные и путевые работники, они без задержки открывают путь. Как-то особенно милы сегодня и близки их радостные лица.

Долгих три года ездили мы по родной земле ощупью, в темные ночи нам светили только звезды.

Чтобы дождаться сегодняшнего дня, чтобы без препятствий ездить по родным местам, мы терпеливо переносили эти темные ночи. Перед моими глазами встают лица работников гэченской станции, говонского депо, они не прекращали работу даже под градом вражеских бомб.

Вот здесь, около этой станции, находился когда-то рынок, сейчас он превращен в развалины. От деревушки в долине осталась только взрытая земля.

По этим местам водил я ночами свой паровоз. Приходилось и в бой вступать с воздушными пиратами.

Я еду, вспоминая прошлое.

Женщины-односельчанки, которые стояли в вечерние сумерки у колодца, всегда махали нам руками, старики радовались гудкам паровоза. Сегодня с раннего утра они вышли на станцию, приветствуя и забрасывая нас цветами. Вместе со взрослыми — дети. У всех на лицах радость и восторг.

Повсюду жители помогают рабочим восстанавливать железнодорожное полотно. Работа кипит. Одни перетаскивают гальку, другие действуют лопатами, третьи переносят шпалы.

Трудятся старательно и быстро. Здесь можно встретить тех самых, уже немолодых людей, которые в дни войны приходили на железнодорожную линию и восстанавливали пути после вражеских бомбардировок.

До Пхеньяна совсем недалеко. Там живет и работает маршал Ким Ир Сен. Он научил нас любить родину и быть ей преданными. Думая об этом, я еле сдерживаю слезы. «Я даю обещание не пожалеть своих сил для мирного объединения нашей родины».

Поезд приближается к Пхеньяну. Огромная толпа народа встречает нас. Все кричат «мансе», приветствуют поезд. Цветы и знамена, целое море цветов. В честь столицы героической Кореи — в честь славного Пхеньяна — даю продолжительный гудок.

Этот гудок разносится далеко по улицам Пхеньяна, отдается эхом в горах, окружающих город, великий город нашего счастливого будущего.

ЦОЙ ТХЭ УК,
паровозный машинист

ПХЕНЬЯН

М. АЛМАЗОВ

ЧТО ПРОИСХОДИТ В АМЕРИКАНСКИХ ТЮРЬМАХ

Американская юридическая литература и судебная практика, официальные заявления работников полиции и прокуратуры США, опубликованные в печати, свидетельствуют о том, что физическое насилие часто является неотъемлемым элементом как предварительного расследования, так и тюремного заключения. Издевательства полицейских и тюремщиков над своими жертвами нередко принимают такие дикие формы, что американская печать вынуждена изредка приподнимать завесу тайны над этими страшными местами. Прогрессивная печать, — чтобы обратить внимание общественности на террор, свирепствующий за тюремными решетками, буржуазная — в целях сведения межпартийных счетов или в погоне за сенсацией.

Широко практикуемая система самого грубого принуждения подследственных получила в американской юридической литературе название «третьей степени».

Автор книги «Методы полицейского допроса» полицейский офицер Р. Кидд на вопрос «Что такое третья степень?» дает совершенно определенный ответ: «Это не что иное, как пытка... Если это физическая пытка, то она может состоять в избиении, в длительном допросе под лучами ослепляющих прожекторов, в помещении арестованного в подземелье с лишением его пищи и воды на длительный срок, в помещении его в камеру, кишащую крысами, или в клетку с москитами. Во время судебного разбирательства истерзанное состояние подсудимого можно объяснить тем, что он «упал с тюремной лестницы» или «пытался бежать». Моральной пыткой будет помещение трупа потерпевшего возле камеры подозреваемого, отказ сообщить тяжело больной жене о месте пребывания арестованного до тех пор, пока он не начнет говорить, и т. д. Вариации безграничны».

Приспособление для растягивания. Пытка длится по нескольку часов

Рисунок сделан Эдвардом Брауном, бывшим заключенным каторжной тюрьмы в городе Мейкон (штат Джорджиа)

(Фото из американской газеты «Фридом»)

Тюрьма в штате Мичиган. Во время усмирения бунта стража открыла по заключенным огонь. На снимке: один из раненых арестантов

(Фото из американской газеты «Дейли уоркер»)

Физические истязания подследственных, отличающиеся изощренностью и жестокостью, представляют собой весьма распространенное явление в американской судебной практике. Автор книги «Третья степень» — специального исследования о применении насильственных методов во время предварительного расследования — Левайн Э. Х. указывает, что в США «разрешение 70 процентов всех дел... является результатом применения насильственных методов».

В течение прошлого и в начале этого года во многих каторжных тюрьмах штатов Флорида, Огайо, Иллинойс, Мичиган, Калифорния, Пенсильвания и других происходили бунты заключенных. Для восстановления «порядка» в тюрьмы были направлены карательные полицейские отряды, подкрепленные танками и артиллерийскими орудиями.

Каков же «порядок» в американских каторжных тюрьмах?

Вот одна из иллюстраций: когда в прошлом году во время бунта шести с половиной тысяч заключенных в городе Джексоне репортеры некоторых газет проникли внутрь тюремного здания, заключенные показали им сквозь решетки железные цепи, плетки, резиновые трубки, наполненные свинцом дубинки и другие орудия пыток. Доведенные до отчаяния пытками и истязаниями, заключенные, рискуя жизнью, подняли бунт и попытались оказать сопротивление тюремщикам-палачам.

Корреспонденту нью-йоркской газеты «Пипл тудей» удалось посетить каторжную тюрьму в Анголе. В опубликованной затем статье он сравнивает общие камеры для заключенных в этой тюрьме с трюмами кораблей, на которых некогда рабовладельцы привозили в Америку африканских негров. «Лишь один путь—смерть,— пишет он,— ведет из этого американского Бухенвальда».

Те из заключенных, кому посчастливилось выбраться из тюремных застенков, сообщают о жутких пытках, которые им пришлось перенести. Джордж Дрексел, бывший заключенный тюрьмы в округе Блекли (штат Джорджиа), так рассказывает об истязаниях, которым его подвергли: «Надзиратели положили меня на большой стол, на каждом углу стола был прикреплен ворот с намотанным на барабан стальным кабелем. Они прикрепили кабель к моим рукам и ногам и начали вращать ворот, пока конечности чуть не вышли из суставов. Каждый раз, когда я терял сознание, пытки прерывались, а меня обливали холодной водой».

«Однажды рано утром, — вспоминает Дрексел,— меня притащили на просеку. Здесь были установлены два столба высотой более двух метров на расстоянии десяти метров друг от друга. На землю, между столбами, был положен широкий лист оцинкованной жести. Меня заставили снять обувь и стать на жесть. Затем к большим пальцам моих рук привязали веревки, свободные концы которых прикрепили к столбам. Веревки так натянули, что мои руки растянулись до предела. От страшной боли я начал громко кричать. Когда солнце поднялось, жесть стала горячей, как раскаленная плита. Чтобы не сжечь ступни босых ног, я был вынужден непрерывно танцевать. Спустя семь часов я потерял сознание, а ноги покрылись от ожогов пузырями».

Самые страшные зверства стали обычным явлением в американских тюрьмах. По свидетельству американской газеты «Фридом», в прошлом году на судебном процессе в Филадельфии Эдвард Браун, которого пытались отправить назад в каторжную тюрьму в город Мейкон (штат Джорджиа), откуда он трижды бежал, привел доказательства чудовищных преступлений, совершаемых тюремными властями. Браун описывает «ящик-баню»— небольшой деревянный ящик длиной в полтора метра и шириной в 45 сантиметров, в который запирают заключенных на несколько дней. «В этом ящике, — рассказывает Браун, нельзя ни встать, ни лечь. Приходится быть все время в согнутом положении. Сначала сдают колени, и когда пытаешься сесть, то нужно подогнуть ноги, сидеть долго нельзя, ибо дно ящика сделано из бетона с неровной поверхностью, и это заставляет снова подняться. Затем начинается страшная головная боль, так как шея все время согнута. В конце концов, все тело начинает болеть, и через некоторое время теряешь сознание... Добавьте к этому 120 градусов по Фаренгейту внутри ящика».

Браун рассказал, что его дважды растягивали с помощью специального приспособления, представляющего собой современную разновидность средневековой дыбы. Его также дважды прикрепляли кандалами к столбу в открытом поле, обмазав лицо черной патокой для того, чтобы привлечь насекомых к беззащитной жертве. «Если мне придется вернуться назад в тюрьму, — заявил Браун на суде,— я покончу с собой по дороге. Я не смогу больше перенести эти пытки».

Газета «Фридом» приводит рассказ Мозеса Росса, тоже бывшего заключенного тюрьмы города Мейкон, о пытке, именуемой «вычерпывание бочки». Жертву опускают в большую бочку и приковывают к стенке так, чтобы от головы человека до верха бочки оставалось немногим более полуметра. Бочку постепенно наполняют водой, и узник начинает что есть сил, до изнеможения, вычерпывать воду, мучимый страхом, что если он будет вычерпывать недостаточно быстро, то утонет.

Один из свидетелей на процессе в Филадельфии Хьюэл Томпсон сказал: «С нами обращались, как в аду, но когда в тюрьму попадали цветные, их мучили вдвое больше».

Американский журнал «Ридерс дайджест» опубликовал статью, в которой описывается положение заключенных в каторжной тюрьме города Килби (штат Алабама). Вот нарисованная автором корреспонденции картина экзекуции: «Пронзительный душераздирающий крик последовал за ударом бича. На спине юноши вздулась полоса шириной в два дюйма. Один тюремщик придавил ногой плечи извивающейся от боли жертвы, другой сидел на ногах юноши. Ухмыляясь, экзекутор тюрьмы снова поднял шестифутовый кожаный бич...»

Нисколько не лучше положение арестантов каторжных тюрем в другом южном штате — Виргиния. Здесь, как сообщает газета «Фридом», заключенных, даже нуждающихся в срочной медицинской помощи, под дулом винтовки заставляют выполнять тяжелую работу до тех пор, пока они не теряют сознания и не валятся с ног. Арестантов подвешивают на дыбу, морят голодом в камерах-одиночках, часто безжалостно избивают дубинками.

В 30 километрах южнее Чикаго находится государственная тюрьма штата Иллинойс. Журнал «Сатердей ивнинг пост» пишет, что, измученные жестокостью надзирателей, постоянными голодовками и заключением в карцер, «часть арестантов пыталась покончить с собой через повешение, часть сошла с ума».

Журналистке Виржинии Келлог представилась возможность детально ознакомиться с условиями, в которых содержатся заключенные в женской тюрьме «одного из крупных северных штатов». В большом очерке «Внутри женской тюрьмы», опубликованном в журнале «Кольерс», Келлог подробно описывает царящую в тюрьме атмосферу грубости и произвола. Здесь, как и во всех других американских тюрьмах, малейшее ослушание или даже чуть заметное проявление недовольства существующими порядками влечет суровые репрессии. Корреспондентка описывает истязание «холодной кишкой», пользующееся в этой тюрьме особым предпочтением. Провинившуюся узницу бросают в камеру, где на нее со всех сторон обрушиваются потоки ледяной воды.

«Отвратительной правдой является то,— пишет Келлог,— что мною описана образцовая американская тюрьма, одна из тех, что находятся в наших северных богатых индустриальных штатах. Еще более отвратительно, что подобные дома ужаса представляют собой не исключение, а скорее обычное явление в Соединенных Штатах».

Показательно, что волна бунтов, прокатившаяся по тюрьмам многих штатов, как стихийное сопротивление системе принуждения и насилия, так и не побудила официальные власти заняться расследованием чудовищных преступлений, совершаемых тюремщиками-палачами. Пользуясь безнаказанностью и, по существу, даже поощряемая свыше, тюремная администрация продолжает издевательства над арестантами. В начале этого года в тюрьме, расположенной близ города Питтсбурга (Пенсильвания), происходили серьезные волнения заключенных, выступивших против жестокости тюремщиков.

В таком положении заключенного бросили в открытом поле Лицо предварительно обмазали патокой, чтобы привлечь насекомых и зверей.

Рисунок сделан Эдвардом Брауном, бывшим заключенным каторжной тюрьмы в городе Мейкон (штат Джорджиа)

(Фото из американской газеты «Фридом»)

Таковы, по признаниям американской печати и свидетельским показаниям очевидцев, некоторые подробности режима, существующего в каторжных тюрьмах США.

Индира Ганди о Советском Союзе

Летом этого года в Советском Союзе гостила дочь премьер-министра Индии г-жа Индира Ганди. После возвращения на родину она поделилась своими впечатлениями с индийской общественностью.

Каковы же эти впечатления?

Индира Ганди выразила восхищение мирным трудом советского народа. По сообщению специального корреспондента газеты «Хиндустан таймс», она подчеркнула, что всюду в Советском Союзе видела бурно развивающуюся созидательную деятельность. Строятся новые школы, больницы, культурные центры. В интервью агентству Пресс Траст оф Индиа Индира Ганди заявила, что самым важным в Советском Союзе она считает огромные успехи, достигнутые страной. Советский народ, сказала она, идет вперед к более прочному и более счастливому будущему, хотя у него нет причин жаловаться на настоящее.

«В Советском Союзе, — заявила Индира Ганди, — достигнут поразительный прогресс. В течение 35 лет Советский Союз механизировал свое сельское хозяйство, его индустрия стала гигантской, полностью ликвидирована неграмотность. Эти факты отмечаются всеми беспристрастными наблюдателями. Каких бы вы ни придерживались политических взглядов, вы не сможете игнорировать эти факты».

Отметив высокий уровень жизни советского народа, Индира Ганди подчеркнула: «Советский Союз — единственная страна в мире, где постоянно снижаются цены, в то время как заработная плата рабочих и служащих не сокращается... Квартирная плата очень низкая. В Советском Союзе—бесплатное медицинское обслуживание и семилетнее образование. В высших учебных заведениях студенты получают стипендию».

Говоря о свободе слова в Советском Союзе, Индира Ганди особо отметила тот факт, что советская печать регулярно публикует статьи, в которых критикуются имеющиеся недостатки. Г-жа Ганди привела такой пример: на следующий день после ее встречи с министром сельского хозяйства Узбекистана она прочитала в газетах статью, в которой критиковали работу этого министра. И. Ганди заявила также, что в Советском Союзе существует полная свобода религии.

Особенный интерес Индира Ганди проявила к положению советских женщин, к их участию в общественной и трудовой деятельности. Она подчеркнула тот факт, что в СССР женщина пользуется равными правами с мужчинами и получает с ними одинаковую заработную плату. В Советском Союзе, отметила Индира Ганди, проявляют изумительную заботу о матерях и детях.

В одном из интервью, опубликованном в газете «Хиндустан таймс», Индира Ганди заявила, что идеи мира глубоко проникли в жизнь и деятельность советского народа. «Где бы вы ни были,— сказала она,— повсюду народ говорит о мире и работает во имя мира. Советский народ глубоко заинтересован в поддержании мира».

В своих высказываниях о Советском Союзе Индира Ганди отметила еще один весьма важный факт. В заявлении корреспонденту агентства Пресс Траст оф Индия, она сказала: «Повсюду, где бы я ни была, я ощущала великое чувство дружбы к Индии и к ее усилиям, направленным на поддержание международного мира».

Высказывания Индиры Ганди о Советском Союзе будут восприняты советскими людьми с чувством удовлетворения и искренней дружбы.

Враги мира и сотрудничества всячески стараются отравить клеветнической пропагандой умы миллионов людей за рубежами Советского Союза. Этот пропагандистский яд распространяется для того, чтобы вызвать отчуждение между народами, натравить одно государство на другое. Честные и правдивые отзывы, сделанные таким беспристрастным наблюдателем, каким является г-жа Индира Ганди, несомненно, помогут многим людям в Индии, да и не только в Индии, получить правильное представление о нашей миролюбивой стране, о мирном созидательном труде советского народа. Это особенно важно сейчас, когда Советский Союз во главе всех миролюбивых сил человечества ведет неустанную борьбу за мирное урегулирование спорных международных проблем.

Советские люди высоко ценят усилия индийского народа, стремящегося к налаживанию подлинного международного сотрудничества. Правдивый отчет г-жи Ганди перед широкими кругами индийской общественности о поездке в СССР послужит дальнейшему укреплению дружественных отношений между народами Индии и Советского Союза, поможет расширению культурных связей обеих стран.

Н. ВОЛОХОВСКИЙ

Министерство культуры СССР с глубоким прискорбием извещает о кончине выдающегося деятеля советского искусства, народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Сталинских премий, скульптора

Веры Игнатьевны МУХИНОЙ,

последовавшей вечером 6 октября с. г., и выражает соболезнование родным покойной.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03835.